

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

ПОТЕРЯННЫЕ ДЕВУШКИ РИМА

Основано на реальных событиях. Впервые на русском!

Звезды мирового детектива

Донатто Карризи

Потерянные девушки Рима

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Карризи Д.

Потерянные девушки Рима / Д. Карризи — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13795-0

Маркус – охотник за аномалиями, человек, одаренный способностью видеть послания зла в самых запутанных преступлениях, но лишенный воспоминаний о своей прежней жизни. Его новым делом становится поиск девушки, захваченной серийным убийцей в Риме, и только случайные на первый взгляд детали способны помочь расследованию. Смерть кроется в мелочах – этот урок Сандра усвоила, работая фотографом на местах убийств. Но гибель ее собственного мужа покрыта опасной тайной, важным ключом к которой становится встреча с Маркусом. Ведь истина зачастую спрятана у всех на виду. В основу романа положены реальные истории преступлений. Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-13795-0

© Карризи Д., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Донатто Карризи	5
7:37	6
Пять дней назад	7
0:03	7
6:19	10
8:40	18
11:40	26
20:56	29
23:36	34
Год назад. Париж	38
Четыре дня назад	43
1:40	43
6:00	47
7:10	51
9:04	56
9:56	58
14:00	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Донатто Карризи Потерянные девушки Рима

*Нет свидетелей страшнее или обвинителей беспощаднее, чем
совесть, обитающая в каждой душе.*

Полибий

Donato Carrisi
IL TRIBUNALE DELLE ANIME
Copyright © Longanesi & C., 2011 – Milano

© А. Миролюбова, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Донято КАРРИЗИ – итальянский писатель и сценарист, специалист в области криминалистики и поведенческих наук, лауреат итальянской премии «Bancarella» (2009), автор бестселлеров, изданных в 24 странах.

В конце 2017 года в межд у народный прокат выходит дебютный фильм Карризи, снятый им по собственному роману «Девушка в тумане». В ролях – Жан Рено, Тони Сервилло, Алессио Бонн, Грета Скакки и другие.

7:37

Мертвый открыл глаза.

Он лежал в постели навзничь. Утренний свет озарял белую комнату. На стене, как раз напротив, висело деревянное распятие.

Он посмотрел на свои руки, которые лежали вдоль тела, поверх белоснежной простыни. Складывалось впечатление, будто эти руки – чужие, ему не принадлежащие. Он поднял правую и поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Тогда-то и коснулся бинтов, покрывавших голову. Стало быть, он ранен, но, отметил он про себя, никакой боли не чувствует.

Повернулся к окну. Стекло возвратило нечеткий образ, смутное отражение лица. Страх мгновенно охватил его. Явился и мучительный, болезненный вопрос. Но еще больше мучений, больше боли причиняло сознание того, что он не знает ответа.

Кто я такой?

Пять дней назад

0:03

Адрес был назван загородный. Из-за непогоды и барахлившего навигатора, который никак не мог проложить путь, они потратили более получаса, чтобы добраться до этого уединенного места. Если бы у поворота на въездную дорогу не горел небольшой фонарь, они бы подумали, что в доме никто не живет.

Машина скорой помощи медленно ехала по запущенному саду. Проблесковый маячок вызвал к жизни из крошечной тьмы покрытые мхом статуи нимф и покалеченных Венер, которые приветствовали вновь прибывших кривыми улыбками, движениями изящными и незавершенными. Неподвижный танец, только для них.

Ветхая вилла показалась надежным причалом посреди бурного моря. В окнах не виднелось ни огонька. Дверь, однако, была открыта.

Дом дожидался их.

Они приехали втроем. Моника, молодой интерн, этой ночью дежурила на станции скорой помощи. Тони, санитар, профессионал, имел за плечами немалый опыт работы в чрезвычайных ситуациях. И водитель, который остался в машине, в то время как остальные двое ринулись навстречу буре, направляясь к вилле. Прежде чем переступить порог, громко позвали ее обитателей.

Ответа не последовало. Они вошли.

Затхлый запах, тусклый оранжевый свет ряда лампочек, намечавших контуры длинного коридора с темными стенами. Справа – лестница на верхний этаж.

В самой дальней комнате лежало безжизненное тело.

Медики бросились туда, чтобы оказать помощь, и очутились в жилой комнате с мебелью, укутанной белыми покрывалами. Одно лишь ободранное кресло стояло посередине, прямо напротив телевизора устаревшей модели. На самом деле здесь все отдавало старостью.

Моника присела на корточки перед мужчиной, который лежал на полу и тяжело дышал, потом позвала Тони со всеми его приборами.

– Цианоз, – отметила она.

Тони удостоверился, что дыхательные пути не забиты, затем прижал к губам больного мешок Амбу,¹ пока Моника светила ему фонариком в глаза, проверяя реакцию зрачка на свет.

Мужчине было самое большее лет пятьдесят, он лежал без сознания. Полосатая пижама, кожаные тапки, халат. Вид запущенный: борода отросла, редкие волосы взлохмачены. В руке до сих пор зажат мобильник, с которого поступил звонок в скорую помощь с жалобами на сильные боли в груди.

Ближе всего находилась больница Джемелли. Поскольку вызову был присвоен красный код, дежурный врач присоединился к первой освободившейся бригаде скорой помощи.

Так Моника и оказалась здесь.

Опрокинутый столик, разбитая чашка, повсюду разлитое молоко, рассыпанное печенье; все это смешано со зловонной лужей. Мужчине, должно быть, стало плохо, когда он смотрел телевизор, и бедняга обмочился. Классический случай, подумала Моника. Мужчина средних лет живет один, у него инфаркт, и, если он не успевает позвать на помощь, труп обычно обнаруживают, когда до соседей начинает доноситься смрад. Но в такой уединенной вилле и этому

---

¹ Мешок Амбу – ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

не бывать. Разве только у него есть близкие родственники – а так годы пройдут, пока выяснится, что с ним случилось. Во всяком случае, сцена казалась знакомой, и Монике стало жаль старика. По крайней мере, она жалела его, пока они не расстегнули пижамную куртку, чтобы начать прямой массаж сердца. На груди было выколото два слова.

Убей меня.

Врач и санитар сделали вид, что не заметили. Их дело – спасти жизнь. Но с этого момента каждое действие они совершали с предельной осторожностью.

– Насыщение кислородом падает, – заявил Тони, взглянув на прибор. Воздух в легкие не поступал.

– Нужно срочно делать интубацию, иначе мы его потеряем. – Моника вынула из сумки ларингоскоп и отклонила назад голову пациента.

Так санитар смог лучше рассмотреть комнату, и во взгляде его появился неожиданный блеск. Что-то смутило его, а что – Моника не могла угадать. Тони – профессионал, повидавший всякое, но что-то вывело его из равновесия. Что-то, находящееся за ее спиной.

Все в больнице знали историю молодой докторши и ее сестры. Никто никогда не говорил ни слова, но она ловила на себе сочувственные, обеспокоенные взгляды: в глубине души коллеги задавались вопросом, каково ей жить с таким грузом.

В эту критическую минуту на лице санитаря появилось такое же выражение, только гораздо более испуганное. Моника обернулась на миг и увидела то же, что и Тони.

Роликовый конек, брошенный в угол, явившийся пряником из преисподней.

Ботинок был красный, с золотыми пряжками. Такой же, как его близнец, которого здесь не было, который лежал в другом доме, в другой жизни. Моника всегда считала, что эти коньки – немного китч. А Тереза уверяла, что они винтажные. Сестры тоже были близнецами, так что Монике показалось, будто она видит саму себя, когда труп Терезы нашли на поляне у реки одним холодным декабрьским утром.

Ей едва исполнился двадцать один год, и ей перерезали горло.

Говорят, что близнецы чувствуют друг друга даже на больших расстояниях. Но Моника в это не верила. Она не испытала страха, у нее не возникло ощущения опасности в тот момент, когда сестру похитили, днем в воскресенье, по дороге домой после катания с подругами на роликовых коньках. Тело нашли через месяц, в той же одежде, какая была на ней, когда она пропала.

И тот красный роликовый конек казался гротескным протезом на ноге мертвой Терезы.

Шесть лет Моника хранила его, спрашивая себя, что случилось с другим и придет ли когда-нибудь день, когда они соединятся. Сколько раз пыталась она представить себе лицо человека, который его забрал? Сколько раз выискивала его среди незнакомцев в уличной толпе? Со временем это превратилось в своеобразную игру.

Теперь, возможно, Моника получила ответ.

Она вгляделась в мужчину, лежавшего перед ней на полу. Потрескавшиеся, опухшие руки, волосы в носу, пятно мочи на брюках между ног. Совсем не похож на монстра, какого она не раз себе представляла. Человек из плоти. Обычное, банальное человеческое существо, в довершение всего – со слабым сердцем.

Тони прервал ее размышления:

– Знаю, о чем ты думаешь. Мы можем прекратить, если хочешь. Стоять и ждать, пока случится то, что должно случиться. Решать тебе. Никто не узнает.

Он первым предложил это, может быть, видя, как она застыла в сомнении с ларингоскопом на весу перед пациентом, который жадно хватал воздух ртом. Моника еще раз взглянула на его грудь.

Убей меня.

Может, то было последнее, что видели глаза сестры, когда он перерезал ей горло, будто скотине. Ни теплого слова, ни утешения, какого заслуживает любое человеческое существо, навсегда покидающее эту жизнь. Убийца насмехался, издевался над ней. И получал от этого удовольствие. Может, и Тереза призывала смерть, только чтобы все закончилось поскорее. В бешенстве Моника так крепко стиснула ларингоскоп, что костяшки пальцев побелели.

Убей меня.

Мерзавец выколол эти слова на груди, но, когда почувствовал себя плохо, позвонил в скорую помощь. Он такой же, как все. Тоже боится смерти.

Моника углубилась в себя. Те, кто знал Терезу, видели в Монике некую недостоверную копию, статую из музея восковых фигур, дубликат той, кого оплакивали. Для близких она представляла собой то, чем сестра могла бы стать и никогда не станет. Родные смотрели, как она растет, и тосковали по Терезе. Теперь Монике выпал случай отличить себя от сестры, высвободить призрак, застрявший в ней. Я врач, напомнила она себе. Ей бы хотелось найти в своей душе хоть искру милосердия к человеку, распростертому перед ней, или толику страха перед высшим судом или увидеть хоть что-то похожее на знак. Но она обнаружила, что не чувствует ничего. Тогда она в отчаянии попыталась откопать хоть какое-то сомнение, как-нибудь убедить себя, что этот человек неповинен в смерти Терезы. Но сколько ни ломай голову, лишь по одной причине роликовый конек мог оказаться здесь.

Убей меня.

И в эту критическую минуту Моника осознала, что уже приняла решение.

6:19

Дождь накрывал Рим погребальными пеленами. Серой тенью занавешивал древние дворцы, ряд немых слезящихся фасадов. Переулки вокруг площади Навона, извилистые, будто кишки, совсем опустели. Но в нескольких шагах от дворика Браманте широкие окна старинного кафе «Делла Паче» отражались на блестящей мостовой.

Внутри – стулья, обитые красным бархатом, столики из белого мрамора с серыми прожилками, статуи в стиле нового ренессанса и обычные посетители. Люди искусства, в основном художники и музыканты, раздраженные незавершенным рассветом. Но также и торговцы, и антиквары, коротающие время до открытия магазинчиков, расположенных вдоль по улице, и какой-нибудь актер, который, возвращаясь с ночной репетиции в театре, забегают выпить капучино перед тем, как отправиться спать. В такое скверное утро все ищут утешения и охотно вступают в общую беседу. Никто не обращал внимания на двух незнакомцев в черном, которые сидели на отшибе, за столиком напротив входа.

– Как твоя мигрень? – спросил тот, что казался моложе.

Другой, собиравший подушечкой пальца крупинки сахара вокруг пустой чашки, оставил это занятие и невольно прикоснулся к шраму на левом виске:

– Иногда не дает мне спать, но вообще можно сказать, что лучше.

– Тебе все еще снится тот сон?

– Каждую ночь. – Он поднял глаза глубокой, меланхолической синевы.

– Это пройдет.

– Да, пройдет.

Наступившую тишину прервал длинный свисток кофемашины для эспresso.

– Маркус, время пришло, – сказал молодой.

– Я еще не готов.

– Ждать больше нельзя. Меня сверху спрашивают о тебе, допытываются, в какой ты кондиции.

– Я делаю успехи, разве нет?

– Да, правда: с каждым днем все больше и больше, это меня радует, поверь. Но ожидание слишком затянулось. От тебя зависит многое.

– Но кто так интересуется мной? Я хотел бы встретиться с теми людьми, поговорить. Я знаю только тебя, Клементе.

– Этот вопрос мы уже обсуждали. Невозможно.

– Почему?

– Потому что так издавна заведено.

Маркус снова потрогал шрам, он всегда так делал, когда волновался.

Клементе наклонился к нему, поймал его взгляд:

– Это ради твоей безопасности.

– Ради их безопасности, ты хочешь сказать.

– И это, если угодно, тоже.

– Я могу создать неудобство. Этого допустить нельзя, правда?

Сарказм Маркуса Клементе не рассердил.

– Какая у тебя проблема?

– Я не существую.

Голос его сорвался, в нем прозвучала боль.

– Тот факт, что только я знаю тебя в лицо, предоставляет тебе свободу. Неужели ты не понимаешь? Они знают тебя только по имени, а в остальном полагаются на меня. Таким образом, твои полномочия безграничны. Раз они не знают, кто ты, то и не могут тебе помешать.

– Зачем это нужно? – вскинулся Маркус.

– Зло, которое мы преследуем, может пробраться даже в их сердца, вот зачем. Если все прочие меры не приведут ни к чему, если ни одна из преград не устоит, кто-то должен оставаться на страже. Ты – последняя линия обороны.

Во взгляде Маркуса сверкнул вызов.

– Ответь мне на один вопрос... Есть еще такие, как я?

После короткого молчания Клементе решился:

– Я не знаю. Не могу этого знать.

– Лучше бы ты оставил меня в той больнице...

– Не говори так, Маркус. Не разочаровывай меня.

Маркус поглядел на улицу. Дождь на время перестал, и редкие прохожие, покинув ненадежные укрытия, разбегались по своим делам. У него накопилось еще много вопросов к Клементе. Были вещи, которые напрямую его касались и о которых он теперь ничего не знал. Человек, сидевший напротив, представлял собой его единственную связь с миром. Более того, Клементе и представлял собой весь его мир. Маркус никогда ни с кем не говорил, у него не было друзей. Но ему было известно такое, о чем лучше бы ничего и не знать. О людях, о том, какое зло способны они совершить. Нечто столь ужасное, что всякое доверие пошатнется, любое сердце навсегда окажется зараженным. Он смотрел, как люди вокруг живут без этого груза, и завидовал им. Клементе спас его. Но, спасши, внедрил его в мир теней.

– Почему именно я? – спросил он, продолжая глядеть в сторону.

Клементе улыбнулся:

– *Собаки не различают цветов.* – Эту фразочку он часто повторял. – Ну что, ты со мной?

Маркус повернулся к своему единственному другу:

– Да, я с тобой.

Больше не говоря ни слова, Клементе пошарил в плаще, висевшем на спинке стула. Вытащил бумажный конверт, положил на стол и подтолкнул к Маркусу. Тот взял его и с аккуратностью, какой отличалось каждое его движение, открыл.

Внутри находились три фотографии.

Первая изображала компанию молодежи во время вечеринки на пляже. На переднем плане две девушки в купальных костюмах чокались бутылками пива перед костром. На второй фотографии предстала только одна из них: волосы стянуты в хвост, очки с толстыми стеклами; улыбаясь, она показывала на вздымающийся за ее спиной Дворец итальянской цивилизации, знаковое здание эпохи неоклассицизма, расположенное в квартале Всемирной выставки (ЭУР).² На третьей фотографии та же девушка обнимала мужчину и женщину, очевидно родителей.

– Кто это? – спросил Маркус.

– Ее зовут Лара. Двадцать три года. Учится в Риме, приезжая. Факультет архитектуры, четвертый курс.

– Что с ней случилось?

– В этом-то и проблема: никто не знает. Она исчезла почти месяц назад.

Маркус сосредоточился на лице Лары, отрешившись от гула голосов и от всего, что его окружало. Типичная провинциалочка, переселившаяся в большой город. Очень хорошенькая, тонкие черты, никакой косметики. Представил себе, что она, наверное, почти всегда стягивает волосы в хвост, потому что не может позволить себе парикмахерскую. Может быть, делает прическу только перед тем, как съездить к своим, из экономии. Одежда компромиссная: джинсы

---

² *Квартал Всемирной выставки* (ит. Esposizione Universale di Roma, «Всемирная выставка Рима», сокращенно EUR) – обширный комплекс деловых зданий, построенный по приказу Бенито Муссолини в 1935–1943 годах на юго-западе Рима в рамках подготовки к проведению Всемирной выставки (выставка не состоялась).

и футболка, чтобы необязательно было следовать за модой. На лице можно разглядеть следы ночей, проведенных за книгами, или трапез, состоящих из банки тунца, последнего ресурса иногородних студентов, которые исчерпали месячный бюджет и ждут нового поступления от мамы с папой. В первый раз вдали от дома. Каждодневная борьба с ностальгией, которую помогает одолеть мечта стать архитектором.

– Рассказывай.

Клементе достал блокнот, отодвинул кофейную чашку и стал говорить, сверяясь с записями:

– В тот день, когда она исчезла, Лара провела часть вечера с друзьями в кафе. Те, кто был с ней, заверяли, что девушка казалась спокойной. Друзья поболтали о том о сем, как обычно, потом около девяти Лара сказала, что устала и хочет вернуться домой, лечь спать. Двое из компании – молодая пара – подвезли ее на машине и дождались, пока она зайдет в парадную.

– Где она живет?

– В старом доме, в центре.

– Есть еще жильцы?

– Человек двадцать. Дом принадлежит университетской корпорации, которая сдает квартиры студентам. Квартира Лары – на первом этаже. До августа с ней жила подруга, которая уехала; на самом деле Лара искала вторую съемщицу.

– Когда обрываются ее следы?

– Присутствие Лары дома в следующий час подтверждается данными пункта сотовой связи по этой зоне: с ее мобильного были зафиксированы два исходящих звонка, один в двадцать один двадцать семь, второй в двадцать два двенадцать. Первый разговор, десятиминутный, был с матерью, второй – с лучшей подругой. В двадцать два девятнадцать ее телефон был отключен. И больше не включался.

Молодая официантка подошла к столику убрать чашки. Нарочно помедлила, а вдруг клиенты закажут что-то еще. Но никто из них ничего больше не попросил. Они всего лишь умолкли, дожидаясь, пока девушка удалится.

Маркус спросил:

– Когда было заявлено о ее исчезновении?

– На следующий вечер. Подруги, не увидев ее на факультете, целый день звонили ей, но включался автоответчик. Часов в восемь постучали к ней, но никто не отозвался.

– Что думает полиция?

– Накануне исчезновения Лара сняла со счета четыреста евро, чтобы уплатить за квартиру. Но управляющий денег не получил. По словам матери, из шкафа пропали какие-то предметы одежды и рюкзак. Мобильника в квартире не нашли. Поэтому полиция склоняется к тому, что девушка ушла по своей воле.

– Очень удобная позиция, сказал бы я.

– Знаешь, как расследуются такие дела? Если не выявляется какая-то деталь, заставляющая бояться худшего, через короткое время поиски прекращают. И ждут.

Наверное, пока не появится труп, подумал Маркус.

– Девушка вела размеренную жизнь, большую часть времени проводила в университете, имела определенный круг знакомых, с которыми только и общалась.

– Что думают ее друзья?

– Что Ларе не свойственны скоропалительные решения. Хотя в последнее время она несколько изменилась: казалась усталой, рассеянной.

– Любовная история, флирт?

– В распечатке данных по сотовой связи не выявлено звонков вне круга знакомых, и никто ни разу не упомянул о каком-либо ухажере.

– Интернет?

– Она выходила на связь из библиотеки своего факультета или из интернет-кафе неподалеку от вокзала. В ее почте нет никаких подозрительных посланий.

В этот момент стеклянная дверь кафе распахнулась и вошел новый клиент. По залу пронесся порыв ветра. Все обернулись с досадой, кроме Маркуса, погруженного в собственные мысли.

– Лара возвращается домой, как в любой другой вечер. Она устала, как это с ней в последнее время часто случается. Ее последний контакт с миром имел место в двадцать два девятнадцать, затем она отключает телефон, который исчезает вместе с ней и больше не включается. С тех пор мы ничего о ней не знаем. В квартире не хватает одежды, денег и рюкзака: поэтому полиция считает, что девушка исчезла по собственной воле... Она вышла из дома и пропала. Может быть, одна, может быть, с кем-то. Никто этого не заметил. – Маркус пристально посмотрел на Клементе. – Почему мы должны думать, что с ней случилась какая-то неприятность? Почему мы?

Клементе ответил красноречивым взглядом. Они подошли к сути вопроса. *Аномалии*, вот что в конечном счете искали они. Крохотные прорехи в ткани обыденности. Едва заметные неувязки в логической последовательности обычного полицейского расследования. В таких малозначимых несовершенствах часто скрывалось нечто иное. Переход к иной, невообразимой истине. Их задача начиналась отсюда.

– Маркус, Лара не выходила из дома. Дверь была заперта изнутри.

Клементе и Маркус отправились на место происшествия. Дом находился на улице Коронари, в двух шагах от площади Сан-Сальваторе-ин-Лауро, рядом с небольшой церковью шестнадцатого века. Через несколько секунд они уже входили в квартиру на первом этаже. Никто их не видел.

Едва переступив порог жилища Лары, Маркус начал осматриваться вокруг. Прежде всего исследовал вырванный замок. Чтобы войти в квартиру, полицейским пришлось выломать дверь, и агенты не заметили такой подробности, как цепочка, наложенная изнутри; она оборвалась и теперь свисала с дверного косяка.

Квартира, где-то в шестьдесят квадратных метров максимум, была двухуровневой. На нижнем находилось только одно помещение, одновременно кухня и гостиная. Встроенный шкаф с варочной панелью, над которой возвышались многочисленные полки. Рядом – холодильник, облепленный разноцветными магнитиками, на нем – горшок с цикламенами, давно засохшими. Стол, четыре стула, посередине – поднос с чашками и всем прочим, что необходимо для чаепития. Два диванчика поставлены углом перед телевизором. На стенах, выкрашенных в зеленый цвет, не картины или постеры, как это обычно бывает, а проекты самых знаменитых в мире зданий. Окно, как и все окна в квартире, выходило во внутренний двор и было забрано железной решеткой. Через него никто не мог ни войти, ни выйти.

Взгляд Маркуса отмечал малейшую подробность. Не говоря ни слова, он перекрестился, и Клементе тотчас же последовал его примеру. Потом принялся кружить по комнате. Не ограничиваясь осмотром, дотрагивался до предметов, едва прикасаясь ладонью, будто пытался нащупать какой-нибудь остаток энергии, уловить радиосигнал, словно бы вещи могли сообщить ему что-то, открыть то, что знали или видели. Как лозоход слышит зов рудной жилы, спрятанной в недрах, так Маркус исследовал глубокое, неодушевленное молчание вещей.

Клементе наблюдал за своим подопечным, стоя в сторонке, чтобы не отвлекать его. Тот действовал без колебаний, казался напряженным и сосредоточенным. Испытание было важным для обоих. Маркус докажет самому себе, что снова в состоянии выполнять работу, к которой его готовили. Клементе убедится, что не ошибся, считая, что этот человек способен восстановить свой дар.

Он смотрел, как Маркус идет в глубину комнаты, к двери, за которой скрывался крохотный туалет. Он был отделан белой плиткой и освещался неоновой лампой. Душевая кабинка

втиснута между раковиной и унитазом. Стиральная машина, чуланчик для щеток и моющих средств. На дверь с внутренней стороны приколот календарь.

Маркус вернулся назад и пошел налево, к лестнице, ведущей на верхний этаж. Поднялся, шагая через три ступеньки, и очутился на крохотной площадке, на которую выходили двери двух спален.

Первая дожидалась новой съемщицы. Внутри – только голый матрас, креслице и комод. Вторая спальня принадлежала Ларе.

Ставни на окне были открыты. В углу – стол с компьютером, на стене – полки, забитые книгами. Маркус подошел, провел пальцами по корешкам томов, посвященных архитектуре. Погладил лист бумаги с незаконченным проектом моста. Выбрал карандаш из стаканчика, понюхал его, проделал то же самое со стирательной резинкой, испытывая тайное наслаждение, какое только канцелярские товары способны дать.

Это был запах того мира, в котором жила Лара, здесь она была счастлива. Это было ее маленькое королевство.

Он распахнул створки шкафа и сдвинул одежду, висевшую на плечиках; некоторые оказались пустыми. Внизу стояли в ряд три пары туфель. Две пары спортивных, одна – открытые лодочки, для особых случаев. Но оставалось место и для четвертой пары, которой не хватало.

Кровать была полутораспальная. Между подушками сидел плюшевый медведь. Он, наверное, был свидетелем всей жизни Лары, с самого детства. А теперь остался один.

На единственной тумбочке стояла оправленная в рамку фотография Лары с родителями и жестяная шкатулка, в которой лежали колечко с небольшим сапфиром, янтарный браслет и немного бижутерии. Маркус взглянул в фотографию. Он узнал этот снимок: тот же самый, который Клементе показывал в кафе «Делла Паче». На Ларе красовалась золотая цепочка с крестиком, но в шкатулке ее не было.

Клементе ждал Маркуса у подножия лестницы и через короткое время увидел, как тот спускается.

– Ну что?

Маркус застыл на месте:

– Возможно, ее похитили.

Произнеся эту фразу, он вдруг абсолютно уверился в своей правоте.

– С чего ты это взял?

– Слишком мало беспорядка. Будто бы недостающая одежда и мобильник, которого не найти, – не более чем мизансцена. Но от того, кто поставил ее, ускользнула такая деталь, как цепочка, на которую была закрыта входная дверь.

– Но как ему удалось...

– Мы к этому подойдем в свое время, – перебил его Маркус. Он ходил по комнате, стараясь воссоздать то, что здесь происходило. Мысли вращались с головокружительной быстротой. Кусочки мозаики начинали складываться перед его глазами в какую-то картину. – Ларе кто-то нанес визит.

Клементе знал, что происходит. Маркус начинал вживаться. В этом и состоял его талант.

Увидеть то, что видел тот, кто вторгся сюда.

– Этот человек побывал здесь в отсутствие Лары. Посидел на диванчике, попробовал, мягкая ли постель, порылся в ее вещах. Пересмотрел фотографии, присвоил ее воспоминания. Потрогал зубную щетку, обнюхал одежду, впитывая ее запах. Выпил из немывтого бокала, который стоял в раковине.

– Не понимаю...

– Он все здесь изучил. Он знал все о Ларе: расписание, привычки...

– Но здесь нет ничего, что заставляло бы думать о похищении. Никаких следов борьбы, никто в доме не слышал криков или просьб о помощи. Чем ты подкрепишь свою теорию?

– Он похитил девушку, пока она спала.

Клементе хотел что-то сказать, но Маркус опередил его:

– Помоги мне найти сахар.

Клементе не понимал в точности, что пришло Маркусу в голову, но решил ему подыграть. На полочке над плитой он нашел банку с надписью «SUGAR», а Маркус тем временем проверил сахарницу, которая стояла посередине стола вместе с чайными чашками.

И банка, и сахарница были пусты.

Оба долго и пристально глядели друг на друга, держа эти предметы в руках. Между друзьями пробежала какая-то искра, импульс положительной энергии. Тут не простое совпадение. Маркус не гадает на кофейной гуще. Его интуиция может объяснить все.

– В сахар лучше всего подмешать наркотик: вкус не так ощущается и есть уверенность, что жертва будет употреблять его ежедневно.

– А Лара в последнее время постоянно чувствовала усталость, об этом говорили ее друзья.

Клементе встрепенулся. Эта подробность меняла все. Но он пока не мог ничего сказать Маркусу.

– Похититель действовал не торопясь, постепенно, – продолжал Маркус. – И это доказывает, что он бывал здесь раньше, до того вечера. Вместе с одеждой и мобильником он унес и сахар, содержавший наркотик.

– Но забыл о цепочке на двери, – добавил Клементе. Эта деталь не вписывалась, вдребезги разбивала теорию. – Откуда он вошел и, что самое главное, откуда они оба вышли?

Маркус снова огляделся вокруг:

– Где мы находимся?

Рим – самая большая в мире «обитаемая» археологическая площадка. Город развивался слой за слоем, достаточно углубиться на несколько метров, чтобы найти следы предыдущих эпох и цивилизаций. Маркус хорошо знал, что даже на поверхности с течением времени и человеческих жизней нарастают слои. Во всяком месте скрыто много историй, у всякого – свое предназначение, и не одно.

– Что это за место? Я имею в виду, не сейчас, а изначально: ты говорил, будто дом построен в восемнадцатом веке.

– Здесь была одна из резиденций маркизов Костальди.

– Да. Знатное семейство занимало верхние этажи, а здесь располагались дворовые службы, склады и конюшни. – Маркус потрогал шрам на левом виске. Он не мог понять, откуда взялось это представление. Как он мог это знать? Много навсегда исчезло из его памяти. Кое-что неожиданно возвращалось, а вместе с тем и раздражающий вопрос: откуда это берется? Было где-то в нем какое-то место, где все эти вещи существовали, но скрытно. Время от времени они всплывали на поверхность, напоминая тем самым о существовании той сумеречной зоны, к которой он, пожалуй, никогда не получит доступа.

– Ты прав, – кивнул Клементе. – Дворец оставался таким долгое время. Лет десять тому назад он был завещан университету и разбит на квартиры.

Маркус нагнулся, осмотрел пол. Паркет был из цельного дерева, плотно пригнанный. Нет, не здесь, сказал он себе. Не теряя присутствия духа, направился в ванную комнату, Клементе – следом.

Из чуланчика со щетками взял ведро, одно из двух, какие там имелись, включил душ и наполнил ведро до половины. Потом отступил на шаг. Клементе за его спиной все еще не мог догадаться, зачем он это делает.

Маркус наклонил ведро и вылил воду на плиточный пол. Лужа разлилась у них под ногами. Они стали ждать, что будет.

Через несколько секунд вода начала убывать.

Это казалось каким-то фокусом, вроде того как девушка исчезает из дома, запертого изнутри. Но на этот раз объяснение было налицо.

Вода просочилась в подпол.

На стыках между плитками показались пузырьки воздуха, очерчивая правильный квадрат со сторонами где-то около метра.

Маркус опустился на четвереньки и стал ощупывать плитки кончиками пальцев, чтобы обнаружить щель. Вот, кажется, нашел. Встал, огляделся в поисках рычага. Взял с полочки металлические ножницы. Они сгодились для того, чтобы приподнять квадрат, составленный из скрепленных плиток. Маркус сунул пальцы в отверстие, поднял покрытие и обнаружил люк в каменном полу.

– Подожди, я тебе помогу, – сказал Клементе.

Они сдвинули в сторону крышку люка и обнаружили старинную лестницу из травертина: на пару метров она уходила вниз, а там начинался коридор.

– Похититель проходил здесь, – объявил Маркус. – По меньшей мере дважды: когда он вторгся в дом и когда удалился вместе с Ларой. – Потом Маркус достал фонарик, который всегда носил с собой, включил его и посветил в отверстие.

– Хочешь спуститься вниз?

Он обернулся к Клементе:

– Разве у меня есть выбор?

* * *

С фонариком в руке Маркус спустился по каменной лестнице. Дойдя до самого низа, понял, что находится в туннеле, который проходит под домом в двух противоположных направлениях. Самый настоящий подземный ход. Непонятно было, куда он может привести.

– Все в порядке? – спросил Клементе, который оставался наверху.

– Да, – лаконично ответил Маркус.

Возможно, в восемнадцатом веке эта галерея предназначалась для бегства в случае опасности. Ничего другого не оставалось, как двигаться наудачу в ту либо в другую сторону. Маркус направился туда, откуда, как ему показалось, доносился глухой шум, как будто проливного дождя. Прошел метров пятьдесят, пару раз поскользнувшись на илистом грунте. Крысы пробежали у него под ногами, задевали щиколотки своими теплыми гладкими шкурками, а потом исчезали в темноте. Маркус определил, что это грохочет Тибр, разлившийся после дождей, шедших без перерыва в последние дни. И ощутил сладковатый запах реки: так пахнет стремительно бегущий зверь. Он пошел на звук и на запах и вскоре разглядел массивную решетку, сквозь которую просачивался серый дневной свет. Пройти здесь было невозможно. Тогда он повернул назад, попытать счастья в противоположном направлении. Едва он вступил в этот участок туннеля, как что-то блеснуло в грязи.

Маркус нагнулся и поднял золотую цепочку с крестиком.

Он вспомнил, что видел такую же на шее у Лары, на фотографии, где она снялась вместе с родителями, той самой, что стояла на тумбочке. Вот и доказательство того, что он верно увидел произошедшее.

Клементе был прав. В этом его талант.

Взбурдаженный открытием, Маркус не заметил, что друг успел его догнать. Только когда Клементе встал рядом, Маркус обнаружил его присутствие.

Показал ему цепочку:

– Вот, посмотри...

Клементе взял ее в руки, взгляделся.

– Может быть, девушка еще жива, – заговорил Маркус, возбужденный находкой. – Мы взяли след, мы можем выяснить, кто это был. – Но тут он увидел, что друг не разделяет его энтузиазма. Более того, кажется подавленным.

– Мы уже и так это знаем. Мне требовалось подтверждение... И оно, увы, явилось.

– Что ты имеешь в виду?

– Наркотик в сахаре.

Маркус все еще не понимал:

– Тогда в чем проблема?

Клементе пристально, серьезно взглянул на него:

– Думаю, пора тебе познакомиться с Джеремией Смитом.

8:40

Первый урок, который усвоила Сандра Вега, заключался в том, что дома, в которых обитают люди, никогда не лгут.

Люди, говоря о себе, легко воздвигают разнообразные надстройки, в существование которых и сами в конце концов начинают верить. Но место, которое они выбирают для жилья, все рассказывает о них – неизбежно и неумолимо.

Занимаясь своей работой, Сандра входила во многие дома. Каждый раз, стоя на пороге, не могла отделаться от мысли, что следовало бы спросить разрешения. Но для того, зачем она приходила, не нужно было даже звонить в дверь.

Когда она, за много лет до того, как заняться этой профессией, ездила вечерами в поезде, то всегда смотрела на освещенные окна жилых домов и задавалась вопросом, что происходит там, за стеклами. Какие жизни протекают, какие истории разворачиваются. Иногда ей удавалось украдкой увидеть маленькие, произвольно поставленные спектакли. Женщина гладит белье и смотрит телевизор. Мужчина в кресле курит сигарету и старательно выпускает дым колечками. Мальчик взобрался на стул и роется в буфете. Мгновенные кадры, мелькающие в окошке. Потом поезд проходил. И те жизни текли своим чередом, неприметные, неосмысленные.

Она всегда пыталась вообразить дальнейшее, продолжить исследование. Прогуляться невидимкой среди вещей, которые этим людям наиболее дороги. Наблюдать за ними в их самых тривиальных занятиях, как за рыбками в аквариуме.

И во всех домах, где ей приходилось жить, Сандра спрашивала себя, что происходило в этих стенах до того, как она въехала сюда. Какие радости, ссоры, печали прошумели здесь, не оставив даже отголоска.

Иногда она думала о тайных драмах или ужасах, которыми пропитывается атмосфера жилища. К счастью, у домов короткая память. Жильцы меняются, и все начинается сначала.

Съехавшие иногда оставляют следы своего пребывания. Тюбик помады, забытый на полочке в ванной. Старый журнал на этажерке. Пара башмаков в стенном шкафу. Завалившийся в ящике стола листок бумаги, на котором записан телефон доверия для жертв изнасилования.

Через эти крохотные знаки можно, повернув время вспять, восстановить чью-то историю.

Она и вообразить не могла, что именно поиск таких мелких деталей станет ее ремеслом. С одним только отличием: она приходила в такие места, которые уже навсегда утратили свой невинный благостный вид.

Сандра поступила в полицию по конкурсу и прошла стандартное обучение. Носила табельное оружие и хорошо умела с ним обращаться. Но униформой для нее стал белый халат, выданный в криминальном отделе. Прослушав специальный курс, Сандра попросила назначить ее фотографом в группу экспертов-криминалистов.

Она являлась на место преступления и приносила с собой фотоаппараты с единственной целью: остановить время. В момент ослепительной вспышки все застывало. Все, что попадало в объектив, уже не могло измениться.

Второй урок, который усвоила Сандра Вега, заключался в том, что дома умирают так же, как люди.

И ей выпала судьба присутствовать при тех последних мгновениях, когда ни одному из обитателей дома уже никогда не переступить его порог. Знаки медленного угасания: неприбранные постели, тарелки в раковине, носок, валяющийся на полу. Как будто бы жильцы, оставив после себя беспорядок, пустились в бегство, услышав о надвигающемся конце света. Хотя в действительности конец света ограничивался как раз этими стенами.

Таким образом, едва переступив порог квартиры на пятом этаже многоквартирного дома, расположенного на окраине Милана, в районе, где строилось социальное жилье, Сандра сразу поняла, что ее ждет такое место преступления, какое не сразу забудешь. Первое, что она увидела, была украшенная елка, хотя до Рождества еще оставалось довольно много времени. Сандра интуитивно поняла, в чем дело. Ее сестра, когда ей было пять лет, тоже не дала родителям снять игрушки, хотя праздники и кончились. Она плакала и кричала целый день, и взрослые в конце концов сдались в надежде, что рано или поздно этот каприз у нее пройдет. Однако пластмассовая елка со свечками и разноцветными шарами простояла в углу все лето и всю осень. Поэтому Сандра ощутила болезненный укол внутри.

Теперь она знала: в доме жил ребенок.

Его присутствие ощущалось в воздухе. Ибо третий урок, который она усвоила, заключался в том, что у каждого дома – свой запах. Он принадлежит тем, кто там живет, он всегда особенный, неповторимый. Когда жильцы переезжают, запах исчезает, уступая место другому, новому. Он образуется со временем, вбирая в себя разные ароматы, химические и естественные – кондиционера для стирки и кофе, школьных учебников и комнатных растений, средства для мытья полов и капустного супа, – и становится запахом семьи: члены ее несут на себе этот запах, сами его не ощущая.

И теперь только обоняние позволяло отличить квартиру, в которую Сандра входила, от других квартир, в которых жили другие семьи, имевшие одного кормильца. Три комнаты и кухня. Мебель, купленная в разное время в зависимости от денежных поступлений. Фотографии в рамках, сделанные в основном во время летнего отпуска, единственного, какой они могли себе позволить. Плед на диване перед телевизором: здесь они находили прибежище каждый вечер, прижимались друг к другу и смотрели те или иные программы, пока сон не одолевал.

Сандра перебирала в уме все эти образы. Ничто не предвещало того, что случилось. Никто не мог бы такого предугадать.

Полицейские бродили по комнатам как незваные гости, нарушая интимность жилища одним своим присутствием. Но Сандра уже давно перестала воспринимать свой приход как вторжение на чужую территорию.

На таком месте преступления, как это, никто не болтал. Ужас тоже имеет свои градации, свой кодекс поведения. В их безмолвном танце слова были излишни, каждый и без того знал, что ему делать.

Но всегда бывают исключения из правил. Например, Фабио Серджи, который бормотал себе под нос где-то в глубине квартиры.

– Что за хрень, скажите пожалуйста!

Сандра проследила, откуда доносится голос: из узкой, без окон, ванной комнаты.

– Что тут происходит? – спросила она, ставя на пол в коридоре две сумки с аппаратурой и надевая на ноги пластиковые бахилы.

– Ничего, погода хорошая, – произнес Серджи с сарказмом, не глядя на Сандру. Он со всей силы колотил по маленькой переносной газовой плитке. – Эта херовина не пашет!

– Ты что, хочешь, чтобы мы все взлетели на воздух?

Серджи одарил ее бешеным взглядом. Сандра больше ничего не сказала, коллега явно перенервничал. Вместо этого она переключила внимание на труп мужчины, который занимал пространство между дверью и унитазом. Он лежал на животе, совершенно голый. Лет сорок, прикинула она. Весит около девяноста килограммов при росте метр восемьдесят. Шея неестественно вывернута, черепная коробка пробита под косым углом. Лужа темной крови скопилась на плитках с черно-белым узором.

В руках он сжимал пистолет.

Рядом с телом валялся осколок керамики, явно с левой стороны раковины, которая разбилась вдребезги, предположительно, когда тело рухнуло на нее.

– Зачем тебе газовая плитка? – спросила Сандра.

– Мне нужно воссоздать сцену: мужик принимал душ и принес плитку, чтобы согреть ванную комнату. Скоро я и воду включу, так что давай устанавливай свои прибабасы, да поживей, – пробурчал он, даже не пытаясь быть вежливым.

Сандра поняла, что задумал Серджи: пар мог выявить следы ног на полу. Так им удалось бы восстановить динамику передвижений жертвы по комнате.

– Без отвертки не обойтись, – злобно прошипел криминалист. – Я скоро вернусь. А ты ходи по стеночкам.

Сандра ничего не ответила, она привыкла к таким нападкам: эксперты по отпечаткам пальцев полагали, что только они способны сохранить место преступления в неприкосновенности. Кроме того, ей было двадцать девять лет, она, женщина, работала в чисто мужской среде: за покровительственным тоном коллег зачастую скрывались сексистские предрассудки. С Серджи дело обстояло еще хуже, они как-то не ладились, и Сандре не нравилось работать с ним.

Пока коллега ходил за отверткой, Сандра достала из сумок «рефлекс» и треногу. Прикрепила к ножкам кусочки губки, чтобы не оставить следов. Потом водрузила фотоаппарат объективом вверх. Протерев стекло марлей, пропитанной нашатырем, чтобы не запотевало от пара, установила насадку для панорамной съемки «Сингл Шот», которая позволит сделать серию фотографий с обзором 360°.

От общего к частному, таковы правила.

Аппарат зафиксирует всю сцену происшествия, автоматически выдав серию кадров, потом она дополнит реконструкцию события, вручную делая снимки все более детальные, отмечая вещественные доказательства пронумерованными карточками стандартного размера, чтобы обозначить хронологическую последовательность их обнаружения и воссоздать для того, кто будет эти снимки смотреть, подлинные размеры предметов.

Сандра едва установила «рефлекс» в центре комнаты, как вдруг заметила на полке ванночку с двумя маленькими черепашками. Сердце у нее сжалось. Кто-то в семье, подумала Сандра, занимался ими, насыпал корм из баночки, стоящей рядом, периодически менял воду слоем в несколько сантиметров, где они плавали, и украсил их обиталище камешками и пластмассовой пальмой.

Вряд ли взрослый, решила она.

Тут Серджи вернулся с отверткой и снова взялся за газовую плитку. Через несколько секунд она заработала.

– Так и знал, что моя возьмет! – воскликнул Серджи.

Ванная была узкая, и труп занимал почти все пространство. Они вдвоем едва помещались там. Трудно будет работать в таких условиях, подумала Сандра.

– Как будем действовать?

– Я сейчас устрою здесь сауну, – заявил Серджи, до отказа поворачивая в душе кран горячей воды. И, желая отделаться от Сандры хотя бы на время, добавил: – Ты пока можешь начать с кухни. Там у нас «двойняшка»...

Места преступления делятся на первичные и вторичные, чтобы отличить те, на которых произошло преступление, от тех, которые попросту связаны с ним, например место, где спрятан труп или где обнаружено оружие убийства.

Услышав, что в доме имеется «двойняшка», Сандра сразу поняла, что Серджи имеет в виду второе первичное место преступления. А это могло означать только одно. Еще жертвы. И мысли ее вернулись к черепашкам и рождественской елке.

* * *

Сандра застыла на пороге кухни. Чтобы сохранять над собой контроль в такой ситуации, ей требовалось буквально следовать инструкции. Подробным предписаниям, которые способны как-то упорядочить хаос. По крайней мере, она обольщалась такой иллюзией. Убеждала себя, что это работает.

Лев Симба подмигнул ей, прежде чем запеть песенку с другими лесными зверями. Она бы рада была выключить телевизор. Но нельзя.

Решив не обращать на него внимания, она прикрепила к поясу диктофон, чтобы описывать словами всю процедуру. Собрала свои длинные каштановые волосы и скрепила их резинкой, которую всегда носила на запястье. Потом надела микрофон с наушниками, а в руки взяла второй «рефлекс». Настроила фотоаппарат. Это позволяло ей дистанцироваться, обезопасить себя от того, что находилось перед ней.

Панорамная съемка проводилась, как обычно, справа налево, снизу вверх.

Сандра посмотрела на часы, включила автоматическую запись. Обнулила базу данных. Обозначила место, дату, время начала процедуры. И начала снимать, одновременно описывая то, что видела.

«Стол посередине комнаты. Накрыт для завтрака. Один из стульев опрокинут, рядом с ним тело первой жертвы: женщина, возраст от тридцати до сорока».

На ней была светлая ночная рубашка, которая задралась на бедра, бесстыдно обнажив ноги до самого паха. Волосы были кое-как скреплены заколкой в форме цветка. Одна тапка сползла с ноги.

«Множественные огнестрельные раны. В руке зажат листок бумаги».

Она составляла список покупок. Ручка все еще лежала на столе.

«Положение трупа: тело развернуто к двери, жертва, вероятно, видела, как приближается убийца, и пыталась остановить его. Встала из-за стола, но едва успела сделать шаг».

«Рефлекс» щелкал теперь в новом темпе, с другой частотой. Сандра сосредоточилась на этом звуке, как музыкант, следующий за метрономом. И впитывала в себя каждую деталь этой сцены, по мере того как она запечатлевалась в цифровой памяти фотоаппарата и в ее собственной.

«Вторая жертва: пол мужской, возраст от десяти до двенадцати лет. Сидит спиной к двери».

Он так и не понял, что происходит. Но Сандре пришло в голову, что мысль о мгновенной, неосознанной смерти приносит облегчение только живым.

«На нем голубая пижама. Поза: упал лицом на стол, в миску с кукурузными хлопьями. Проникающее огнестрельное ранение в затылок».

Для Сандры смерть здесь являла себя не в двух телах, развороченных пулями. И не в крови, разбрызганной повсюду и медленно высохшей на полу. Не было ее ни в остекленевшем взгляде невидящих глаз, ни в незавершенном жесте прощания с миром. Она таилась в другом. Сандра усвоила, что смерть обладает особым талантом скрываться в деталях. Там-то Сандра и настигала ее своим фотоаппаратом. В спекшихся вокруг конфорок потеках кофе, сбежавшего из старой джезвы, которая продолжала бурлить, пока тот, кто обнаружил весь этот ужас, не выключил газ. В урчании холодильника, который невозмутимо продолжал сохранять в своих недрах свежесть продуктов. Во включенном телевизоре, по которому показывают веселые мультки. Бойня бойней, а искусственная жизнь продолжается, бездумная и бесполезная. Смерть пряталась именно в этом обмане.

– Хорошенькое начало дня, а?

Сандра обернулась, выключив микрофон.

Инспектор Де Микелис стоял на пороге, скрестив руки, с потухшей сигаретой во рту.

– Мужчина, которого ты видела в ванной комнате, служил охранником в частной фирме, занимающейся перевозкой ценных грузов. Пистолет всегда находился при нем. Семья жила на одну зарплату: профсоюзные взносы, выплаты за машину, вечные проблемы к концу месяца. Но у кого их нет.

– Почему он это сделал?

– Мы опрашиваем соседей. Муж с женой часто ссорились, но не до такой степени, чтобы кто-то решил, что пора вызвать полицию.

– В семье были напряженные отношения.

– Похоже, что так. Он занимался тайским боксом, стал чемпионом провинции, но бросил после того, как его дисквалифицировали за употребление анаболиков.

– Бил жену?

– Это нам скажет судмедэксперт. Но был очень ревнив.

Сандра посмотрела на женщину, растянувшуюся на полу, нагую ниже пояса. Нельзя быть ревнивым по отношению к трупам, подумала она. Уже нельзя.

– Думаете, она ему изменяла?

– Возможно, как знать. – Де Микелис, пожав плечами, сменил тему: – Что ты успела сделать в ванной комнате?

– Я установила «рефлекс» на панорамную съемку. Жду, пока он закончит или пока Серджи не позовет меня.

– Все было не так, как кажется...

Сандра пытливо взглянула на Де Микелиса:

– Что ты хочешь сказать?

– Этот человек не застрелился. Мы сосчитали гильзы: они все на кухне.

– Тогда что же произошло?

Де Микелис шагнул в комнату, вынул изо рта потухшую сигарету:

– Он принимал душ. Вышел голый из ванной комнаты, взял пистолет, который лежал в прихожей, в кобуре, рядом с униформой, зашел в кухню и примерно оттуда, где ты сейчас стоишь, выстрелил в сына. Прямо в затылок, в упор. – Инспектор поднял руку, сделал вид, что целится. – Потом разрядил обойму в жену. Все случилось за несколько секунд. Он вернулся в ванную, пол был еще влажный. Поскользнулся, упал, ударился головой о раковину с такой силой, что раскололся череп. Мгновенная смерть. – Инспектор помолчал и добавил с сарказмом: – Бог порой великолепен в таких мелких возмездиях.

Бог здесь совсем ни при чем, подумала Сандра, глядя на мальчонку. И сегодня утром Он явно глядел в другую сторону.

– В семь двадцать все уже было кончено, – заключил инспектор.

* * *

Она вернулась в ванную комнату с тяжелым чувством. Последние слова Де Микелиса задели ее больше, чем следовало. Едва она открыла дверь, как ее окутал пар, которым была насыщена атмосфера. Серджи уже привернул кран в душевой и теперь стоял на коленях перед чемоданчиком с реактивами.

– Черника, чертова ягода, намаешься с ней...

Сандра не могла взять в толк, что имеет в виду криминалист. В нем чувствовалось какое-то напряжение, и она решила не углубляться в тему: кто знает, как он отреагирует. Убедилась, что «рефлекс» отщелкал панорамные фотографии, и сняла аппарат с треноги.

Перед тем как выйти, снова обернулась к коллеге:

– Поменяю карту памяти, и начнем фиксировать детали. – Сандра огляделась. – Окон нет, а электрического света недостаточно, – похоже, надо принести пару энергосберегающих ламп, ты что на это скажешь?

Серджи поднял на нее глаза:

– Скажу, что лучше бы меня отымел как последнюю шлюху крутой байкер на мотоцикле. Да-да, именно сейчас: поза подходящая.

Пошлость Серджи ее покорила. Если это шутка, она таких шуток не понимает. Но судя по тому, как Серджи смотрел на нее, он и не ждал взрыва хохота. Посмотрел-посмотрел и снова как ни в чем не бывало стал возиться с реактивами. Сандра прошла в коридор.

Пытаясь выкинуть из головы бессвязные речи коллеги, она принялась просматривать снимки на дисплее «рефлекса». Панорамная съемка ванной комнаты с обзором в 360° получилась неплохо. Фотоаппарат сделал шесть снимков, с интервалом в три минуты. Пар выявил следы босых ног убийцы, но какие-то смазанные. В первый момент Сандра подумала, будто в ванной происходила драка между мужчиной и его женой, перешедшая в жестокую расправу. Но в таком случае должны были остаться и следы тапочек.

Сандра шла к тому, чтобы нарушить одно из правил, прописанных в инструкции. Она искала объяснение. Какой бы абсурдной ни была эта бойня, следует представить факты совершенно объективным образом. Не важно, что ей не постичь причины, ее долг – оставаться беспристрастной.

Правда, в последние пять месяцев ей это было нелегко.

От общего к частному: Сандра начала фокусировать детали, пытаясь найти смысл.

На дисплее: бритва, положенная на полочку под зеркалом. Пена для ванны, на флаконе Винни Пух. Колготки, повешенные сушиться. Обыденные жесты, мелкие привычки семьи, такой же как многие другие. Безобидные вещи, ставшие свидетелями чего-то ужасного.

Вещи не молчат, подумала Сандра. Они говорят с нами в тишине, надо только уметь слушать.

Пока по дисплею мелькали образы, Сандра все спрашивала себя, что могло бы вызвать такую вспышку насилия. Тяжелое чувство, с которым она приступила к работе, переросло в недоумение, как-то странно разболелась голова. Зрение на миг затуманилось. Сандра хотела понять.

Что породило этот маленький домашний апокалипсис?

Семейство просыпается около семи. Жена встает, идет готовить завтрак для сына. Мужчина первым принимает душ, ему нужно отвезти мальчика в школу, потом отправиться на работу. В квартире холодно, он берет с собой газовую плитку.

Что же случилось, пока он мылся?

Хлещут тугие струи, поднимается гнев. Может быть, он не спал всю ночь, думает Сандра. Что-то его привело в смятение. Мысль, навязчивый образ. Ревность? Он обнаружил, что у жены есть любовник? Они часто ссорились, сказал Де Микелис.

Но в это утро – никаких ссор. Тогда почему?

Мужчина выходит из душа, берет пистолет, направляется в кухню. Никакого скандала перед выстрелами. Что повернулось у него в голове? Невыносимое чувство волнения, тревоги, паники: обычные симптомы, за которыми следует раптус.³

На дисплее: три банных халата, повешенные рядом. От самого большого до самого маленького. Друг к другу близко-близко. В стаканчике – семейка из трех зубных щеток. Сандра искала трещину, хотя бы крохотную, в идиллической картине. Тонкий-тонкий разлом, из-за которого все рухнуло.

---

³ Кратковременный приступ острого, иступленного возбуждения, вызванный или сопровождаемый чрезмерно интенсивным для данного индивида неконтролируемым аффектом.

В семь двадцать все было кончено, сказал инспектор. Именно тогда соседи по дому слышат выстрелы и вызывают полицию. Мужчина принимал душ максимум четверть часа. Решающие четверть часа.

На дисплее: ванночка с двумя черепашками. Коробка с кормом. Пластмассовая пальма. Камешки.

Черепашки, повторила Сандра про себя.

Она пересмотрела все снимки, каждый раз останавливаясь на этой детали. По одной фотографии каждые три минуты, всего шесть кадров: Серджи включил до предела горячую воду, комната наполнилась паром... но черепашки не пошевелились.

Вещи говорят. Смерть таится в деталях.

В глазах у Сандры вновь помутилось, на какой-то миг она даже испугалась, что упадет в обморок. Но увидела, как подходит Де Микелис.

– Тебе нехорошо?

И тут Сандре все стало ясно.

– Газовая плитка.

– Что? – не понял Де Микелис.

Но на объяснения времени не оставалось.

– Серджи: мы должны срочно вытащить его оттуда.

* * *

К дому подъехали пожарная машина и машина скорой помощи, куда заносили Серджи. Эксперт-криминалист лежал без чувств, когда они вошли в ванную. К счастью, помощь подошла вовремя. Стоя на тротуаре напротив дома, Сандра показала Де Микелису кадр, изображающий ванночку с мертвыми черепашками, и попыталась восстановить последовательность событий:

– Когда мы пришли, Серджи пытался вырубить газовую плитку.

– Еще немного, и этому кретину конец. Комната без окон: пожарные заявили, что ванная комната фактически заполнена угарным газом.

– Серджи просто восстанавливал место преступления. Поэтому подумай: то же самое произошло утром, когда мужчина принимал душ.

Де Микелис наморщил лоб:

– Прости, я не понимаю.

– Угарный газ выделяется при горении. Он не имеет запаха, цвета и вкуса.

– Ясно, ясно... но разве он заставляет палить из пистолета? – пошутил инспектор.

– Знаешь, какие симптомы при отравлении угарным газом? Головная боль, головокружение, в отдельных случаях галлюцинации и паранойя... Подышав газом в закрытой комнате, Серджи начал бредить. Нес что-то насчет черники, говорил непристойности.

Де Микелис состроил гримасу: эта история ему не нравилась.

– Послушай, Сандра, не знаю, к чему ведут твои рассуждения, но они беспочвенны.

– Отец тоже заперся в ванной, перед тем как открыть стрельбу.

– Такие вещи нельзя сравнивать.

– Но можно объяснить! Признай, по крайней мере, что все могло происходить таким образом: мужчина дышит угарным газом, он в смятении, у него галлюцинации, им овладевает паранойя. Он не теряет сознание, как Серджи, а голым выходит из ванной, берет пистолет и стреляет в жену и сына. Потом возвращается в ванную и только тогда из-за нехватки кислорода лишается чувств, падает и разбивает голову.

Де Микелис скрестил руки. Такое его отношение бесило Сандру. Но она хорошо понимала, что инспектор не мог безоговорочно принять столь смелую теорию. Сандра знала Де

Микелиса много лет и была уверена, что и для него было бы утешением выявить, что в этих абсурдных смертях повинен случай, а не злая воля убийцы. Но он был прав: явных доказательств не было.

– Сообщи об этом в судебно-медицинскую экспертизу, пусть сделают токсикологический анализ тела мужчины.

И на том спасибо, подумала Сандра. Де Микелис подходил к делу тщательно, был хорошим полицейским, ей нравилось работать с ним. Он страстно увлекался искусством – это, по мнению Сандры, указывало на особую чувствительность. Насколько она знала, у инспектора не было детей, во время отпусков они с женой путешествовали, чтобы посещать музеи. Де Микелис считал, что каждое произведение искусства содержит в себе много смыслов, он ставил перед собой задачу эти смыслы отыскать и с восторгом это проделывал. Такого полицейского не могло удовлетворить первое впечатление.

– Иногда нам хочется, чтобы реальность стала другой. А если не можем изменить порядок вещей, пытаемся объяснить его по-своему. Но это не всегда получается.

– Да, – согласилась Сандра и тут же пожалела. Простая истина касалась ее напрямую, но Сандра не могла себе в этом признаться. Она сделала шаг в сторону.

– погоди, я хотел тебе сказать... – Де Микелис провел рукой по седым волосам, подбирая правильные слова. – Я сожалею о том, что с тобой случилось. Знаю, уже полгода прошло, но...

– Пять месяцев, – поправила Сандра.

– Да, так или иначе, я должен был раньше сказать, но...

– Не переживай, – ответила Сандра, изобразив улыбку. – Все хорошо, спасибо тебе.

Сандра развернулась и направилась к своей машине. Она шла быстро, со странным ощущением в груди, которое больше не покидало ее и о котором окружающие даже и не догадывались. Волнение, тревога, но и гнев, смешанный с болью. Будто внутрь проник какой-то липкий резиновый шар. Сандра его называла «эта штука».

Она не хотела признаваться, но уже пять месяцев «эта штука» заменяла ей сердце.

11:40

Дождь снова припустил с каким-то яростным постоянством. В отличие от других прохожих, Маркус и Клементе двигались по дорожкам, ведущим к большому больничному комплексу университета, не ускоряя шаг. Больница Джемелли считалась самой значимой в городе.

– Полиция караулит у главного входа, – сообщил Клементе. – И мы должны избегать камер слежения.

Он свернул с дорожки налево и привел Маркуса к небольшому белому зданию. Под навесом стояли контейнеры с моющими средствами и тележки, полные грязных простыней. Железная лестница вела вниз, к служебному входу. Дверь была открыта, и пробраться на склад белья оказалось легко. На грузовом лифте они поднялись на первый этаж и оказались в тесном проходе, перегороженном бронированной дверью. Чтобы идти дальше, необходимо было надеть стерильные халаты, маски и бахилы; все это они стащили со стоящей рядом тележки. Затем Клементе вручил Маркусу магнитную карту. С таким чипом на шее они будут избавлены от ненужных вопросов. Приложив его, они открыли электронный замок и наконец проникли внутрь.

Перед ними простирался длинный коридор с синими стенами. Пахло спиртом и средством для мытья полов.

В отличие от прочих, отделение интенсивной терапии было погружено в тишину. Врачи и санитары здесь не сновали туда-сюда, а шли по коридору не спеша и стараясь не шуметь. Слышался только тихий шелест, производимый аппаратурой, от которой зависела жизнь пациентов.

Действительно, в этом тихом и мирном месте разворачивалась самая жестокая битва между жизнью и смертью. Когда кто-то из бойцов погибал, это происходило без конвульсий, без криков. Не звенел тревожный сигнал, для оповещения достаточно было, чтобы зажглась маленькая красная лампочка на контрольном пункте, с великой простотой сигнализируя о прекращении жизненных функций.

В других отделениях спасение жизней предполагало постоянное сражение с временем. Здесь же время протекало по-другому. Расширилось настолько, что казалось вовсе отсутствующим. Не зря это место, на больничном сленге КОХ – корпус осложненной хирургии, – те, кто работал здесь, называли попросту *предел*.

– Одни предпочитают перейти его. Другие – вернуться назад, – заметил Клементе, объясняя Маркусу смысл наименования.

Они стояли перед стеклом, отделявшим коридор от одной из палат реанимации. Там имелось шесть коек.

Занята только одна.

Мужчина лет пятидесяти был подсоединен к дыхательному аппарату. Глядя на него, Маркус думал о том, как товарищ нашел его лежащим на похожей койке: он тогда тоже сражался, на грани между светом и тьмой, на последнем пределе.

И предпочел остаться.

Клементе указал на койку за стеклом:

– Этой ночью машина скорой помощи приехала на загородную виллу по красному коду, обозначающему инфаркт. У человека, вызвавшего скорую, в доме обнаружили вещи – лента для волос, коралловый браслет, розовый шарф и роликовый конек, – принадлежавшие жертвам серийного убийцы, личность которого до сих пор не была установлена. Этого человека зовут Джереми Смит.

Джереми, какое мирное имя, сразу подумал Маркус. Совсем не подходит серийному убийце.

Клементе вынул из внутреннего кармана плаща сложенную вдвое папку, на которой был отпечатан только код: с. г. 97–95–6.

– Четыре жертвы за шесть лет. Перерезано горло. Все – женщины, возраст от семнадцати до двадцати восьми.

Пока Клементе перечислял эти стерильные, безличные данные, Маркус вглядывался в лицо мужчины. Не следует обманываться: тело – всего лишь оболочка, способ всюду проходить незамеченным.

– Врачи говорят о коме, – сказал Клементе, чуть ли не читая его мысли. – Хотя бригада, оказавшая помощь, сразу сделала интубацию. Кстати...

– Что?

– По иронии судьбы с санитаром приехала сестра первой жертвы: ей двадцать семь лет, она врач.

Маркус казался удивленным:

– Она хоть знает, кому спасла жизнь?

– Она сама указала на наличие в доме роликового конька, принадлежавшего ее сестре-двойняшке, убитой шесть лет назад. Так или иначе, вызов не был обычным еще и по другой причине...

Клементе вытащил из папки фотографию и показал Маркусу. Она изображала грудь мужчины, на которой выделялись слова: «Убей меня».

– Он так и ходил при всем честном народе с такой татуировкой.

– Это символ двойственности его природы, – рассуждал Маркус. – Он как будто бы говорит, что в конечном счете немного нужно, чтобы обнаружить нечто за пределами видимости, ведь мы обычно ограничиваемся верхним слоем, то есть одеждой, когда судим о человеке. Когда истина прописана на коже, она доступна для каждого, укрыта – и тем не менее рядом. Но никто не видит ее. То же самое и Джереми Смит: люди шли с ним по улицам бок о бок, не подозревая об опасности, никто не мог разглядеть, кто он на самом деле.

– Еще в этих словах скрыт вызов: убей меня, если у тебя получится.

Маркус обернулся к Клементе:

– А теперь какой вызов он посылает нам?

– Лара.

– Кто сказал, что она до сих пор жива?

– Других он оставлял в живых по меньшей мере месяц и только потом убивал и подбрасывал труп.

– Откуда мы знаем, что именно он похитил девушку?

– Сахар. Другие девушки тоже были напичканы наркотиком. Он похищал их одним и тем же способом: подходил посреди дня и угощал каким-нибудь напитком. В напитках почти всегда был растворен ГОМК, гамма-оксимасляная кислота, более известная как рогипнол, «таблетка изнасилования». Это наркотик с гипнотическим эффектом, подавляющий сознание и волю. Полицейская экспертиза обнаружила его следы в пластиковом стаканчике, выброшенном в том месте, где Джереми встретил первую жертву, и потом в бутылочке, найденной во время расследования третьего похищения. Поэтому можно сказать, что это – подпись, признак особого стиля.

– «Таблетка изнасилования», – повторил Маркус. – Значит, преступление на сексуальной почве?

Клементе покачал головой:

– Никакого сексуального насилия, никакого следа истязаний. Он их связывал, держал в живых, а через месяц перерезал им горло.

– Но Лару он похитил из дома, – заключил Маркус. – Как это объяснить?

– Некоторые серийные убийцы совершенствуют модус операнди по мере того, как разворачиваются садистские фантазии, питающие их инстинкты. Время от времени добавляют какую-нибудь деталь, что-то, что усиливает наслаждение. С годами убийства превращаются в работу, появляется стремление делать ее лучше.

Объяснение Клементе походило на правду, но не вполне убеждало Маркуса. Он решил пока не заикливаться на этой детали.

– Расскажи, что за вилла у Джереми Смита.

– Полицейские еще не закончили обыск, поэтому мы пока не можем туда попасть. Но, как кажется, он не туда доставлял своих жертв. У него было другое место. Если найдем его, найдем и Лару.

– Но полиция не ищет ее.

– Возможно, в его доме они найдут какую-то связь с девушкой.

– Разве мы не должны направить их на след?

– Нет, не должны.

– Почему не должны? – Маркус не верил своим ушам.

Клементе произнес, стараясь, чтобы в голосе прозвучала решимость:

– Мы никогда не действуем так.

– Но у Лары появилось бы больше шансов на спасение.

– Полицейские могут создать тебе помехи, а у тебя должна быть полная свобода действий.

– Что это значит – свобода действий? – вскричал Маркус. – Я даже не знаю, с чего начать!

Клементе встал напротив него, глядя ему прямо в глаза:

– Знаю, ты думаешь, будто это невозможно; все кажется тебе новым. Но ты это делаешь не впервые. Ты прекрасно справлялся и снова справишься. Уверяю тебя: если кто и сможет найти девушку, так это ты. Чем раньше ты это поймешь, тем будет лучше для всех. Ибо складывается впечатление, что у Лары не слишком много времени.

Маркус поглядел через плечо Клементе: пациент, подключенный к дыхательному аппарату, близкий к последнему пределу. И наложенное на тот образ отражение его собственного лица в стекле: оптическая иллюзия. Он с отвращением отвел взгляд. Не вид монстра смущал его, он просто не выносил зеркал, все еще не узнавая себя.

– Что случится со мной, если я потерплю неудачу?

– Значит, вот в чем дело: ты переживаешь за себя.

– Я больше не знаю, кто я такой, Клементе.

– Скоро узнаешь, друг мой. – Клементе протянул ему папку с делом. – Мы в тебя верим. Но с этого момента ты работаешь один.

20:56

Третий урок: дома имеют запах. Запах принадлежит тем, кто там живет, он всегда другой, всегда уникальный. Когда жильцы съезжают, запах улетучивается. Поэтому каждый раз, входя в свою квартиру над Каналами, Сандра Вега сразу начинала принюхиваться, искать запах Давида.

Лосьон после бритья и сигариллы с анисовой отдушкой.

Сандра знала, что в какой-то день, рано или поздно, она вернется домой, втянет воздух в ноздри и не обнаружит ничего. А когда запах исчезнет, Давида больше не будет здесь. Никогда.

От одной этой мысли она впадала в отчаяние. Старалась как можно больше времени проводить вне дома, чтобы не заражать воздух своим присутствием, чтобы ее запах не вытеснил окончательно тот, другой.

По правде говоря, она сперва ненавидела уцененный лосьон для бритья, который Давид упорно покупал в супермаркете. Запах его казался Сандре резким и навязчивым. За три года совместной жизни она много раз пыталась найти замену. На день рождения, Рождество, годовщину свадьбы к основному подарку прилагался флакон с каким-то новым ароматом. Давид им пользовался неделю, потом ставил рядом с другими на полочку в ванной. И каждый раз, оправдываясь, произносил одну и ту же фразу: «Жаль, Джинджер, но это не выражает меня». И так подмигивал, что она выходила из себя.

Сандра и вообразить не могла, что через какое-то время сама купит двадцать флаконов этого лосьона, чтобы разбрызгать по всей квартире. Она накупила столько из неразумного страха: а вдруг однажды лосьон перестанут выпускать. Она приобрела также эти ужасные анисовые сигариллы. Поджигала их и раскладывала в пепельницы по всему дому. Но волшебство алхимии не достигало совершенства. Только Давид, только его присутствие в мире соединяло эти ароматы. Его кожа, дыхание, все запахи его тела – вот что делало сочетание особенным.

После долгого рабочего дня Сандра закрыла за собой дверь и постояла несколько секунд в темноте. Потом наконец запах мужа начал ее обволакивать.

Она поставила сумки в прихожей перед креслом: надо бы протереть аппаратуру, но Сандра уже привыкла откладывать дела на потом. Об этом она позаботится после ужина. Вместо этого набрала горячую ванну и лежала в воде, пока не сморщилась кожа на подушечках пальцев. Надела синюю футболку и откупорила бутылку вина. Таков был ее способ забыться. Она не могла ни заставить себя включить телевизор, ни сосредоточиться настолько, чтобы читать. Так она и проводила вечера: на диване, с бокалом негроамаро⁴ в руке, взгляд блуждает, мысли разбегаются.

В свои двадцать девять лет Сандра никак не могла привыкнуть к мысли, что она вдова.

Второй урок, который усвоила Сандра Вега, заключался в том, что дома тоже умирают, как люди.

С тех пор как умер Давид, она перестала замечать его присутствие в привычных вещах. Может быть, потому, что по большей части вещи в комнатах принадлежали ей.

Ее муж был независимым фоторепортером и ездил по всему свету. До тех пор пока они не познакомились, ему и не нужен был дом, он останавливался в гостиницах или устраивался как мог. Рассказывал, что как-то в Боснии ночевал на кладбище, в склепе.

Все пожитки Давида умещались в двух больших зеленых матерчатых сумках, битком набитых. Одежда и летняя, и зимняя, поскольку он не знал, куда отправится делать репортаж. Видавший виды ноутбук, с которым он не расставался, а также всяческие приспособления, складные ножики, оснащенные разными инструментами; зарядки для сотовых телефонов, даже

---

⁴ Сорт черного винограда, используемый для производства красных вин, выращивается в основном в Италии.

прибор для фильтрации мочи, на случай если он попадет в такое место, где нет питьевой воды.

Он все свел к самому необходимому. Например, никогда не имел ни единой книги. Читал запоем, но, прочитав книгу, дарил ее. Перестал это делать, лишь поселившись здесь. Сандра расчистила для него место в книжном шкафу, и ему даже понравилась мысль создать собрание книг. Он таким образом пускал корни. После похорон его друзья зашли к Сандре, и каждый принес книгу, когда-то подаренную Давидом. На страницах остались пометки; уголки, загнутые, чтобы обозначить какое-то место; небольшие подпалины или пятна машинного масла. И теперь Сандра представляла себе, как он спокойно читает Кальвино, покуривая под палящим солнцем какой-нибудь пустыни, рядом со сломанным внедорожником, в полной уверенности, что кто-то да придет на помощь.

Ты долго будешь видеть его повсюду, говорили все, трудно будет отделаться от его присутствия. Но ничего подобного она не испытывала. Ей ни разу не показалось, будто она слышит, как Давид зовет ее. Ни разу она по рассеянности не поставила на стол лишний прибор.

Но по-настоящему ей не хватало обыденности. Мелких повторяющихся моментов ничего не значащей рутины.

По воскресеньям Сандра обычно вставала позже Давида и обнаруживала его на кухне, где он приканчивал третий кофеиник, шелестя газетой, в клубах пахнущего анисом дыма. Локоть на столе, сигарилла в кончиках пальцев, и пепел вот-вот упадет, настолько Давид погружен в чтение. Когда Сандра показывалась на пороге, как правило насупившись, он поднимал от стола кудрявую встрепанную голову и улыбался ей. Она старалась не обращать на него внимания, пока готовила завтрак, но Давид все смотрел и смотрел на нее со своей блаженной улыбочкой, и в конце концов Сандра уже не могла сдерживаться. Виной всему был сломанный резец, память о падении с велосипеда в семилетнем возрасте. А еще очки с диоптриями в оправе под черепаху, заклеенные скотчем: в них Давид был похож на пожилую английскую леди. А через несколько секунд он хватал ее, усаживал к себе на колени, запечатлевая на шее влажный поцелуй.

При этом воспоминании Сандра поставила бокал на столик перед диваном. Протянула руку, взяла мобильник, включила голосовую почту.

Электронный голос сообщил ей, как всегда, что имеется только одно сообщение, уже прослушанное. Отправленное пять месяцев назад.

«Привет, я тебе все время звоню, но попадаю на автоответчик... Я тороплюсь, поэтому сразу перечислю, чего мне не хватает... Твоих холодных ног, которыми ты в меня тычешься под одеялом, когда ложишься спать. Когда даешь мне попробовать продукты из холодильника, чтобы определить, испортились они или нет. Или когда будишь меня в три часа ночи, вопя благим матом, что у тебя судороги. И хочешь верь, хочешь нет – даже когда ты без спроса бреешь ноги моей бритвой... Вообще говоря, здесь, в Осло, собачий холод, и я жду не дождусь, когда можно будет вернуться. Люблю тебя, Джинджер».

Последнее сообщение Давида являло собой квинтэссенцию самой совершенной гармонии. Такую воплощают в себе бабочки, снежинки и некоторые из чечеточников.

Сандра выключила мобильник.

– Я тоже люблю тебя, Фред.

Всякий раз, когда она слушала это сообщение, у нее возникало совершенно определенное чувство. Тоска, боль, нежность, но также тревога. Последние слова таили в себе вопрос, и Сандра не знала, стоит ли искать на него ответ.

Здесь, в Осло, собачий холод, и я жду не дождусь, когда можно будет вернуться.

Она привыкла к тому, что Давид разъезжает. В этом его работа, его жизнь. Она всегда это знала. Как бы иногда ни хотелось удержать его при себе, она потом понимала, что просто обязана всегда его отпускать.

Это – единственный способ заставить его вернуться.

Ремесло фоторепортера заставляло его выезжать в самые горячие точки планеты. Кто знает, сколько раз он рисковал жизнью. Но Давид был создан таким, такова была его природа. Он должен был все увидеть собственными глазами, без фильтров, ко всему прикоснуться. Чтобы изобразить войну, ему нужно было ощутить запах пожара, узнать, что взрывы звучат по-разному, в зависимости от того, куда попадает снаряд. Он никогда не принимал предложений сделать эксклюзивный репортаж на первую полосу популярного издания, хотя такую возможность ему бы охотно предоставили. Сама мысль о том, что кто-то будет его контролировать, была для Давида невыносима. И Сандра научилась подавлять дурные предчувствия, скрывать страх в самых глубоких тайниках души. Старалась жить нормальной жизнью, делая вид, будто она замужем за рабочим или служащим.

Они с Давидом заключили некий неписанный договор. Он предполагал целый ряд весьма своеобразных ритуалов. Таким образом они сообщали друг другу нечто важное. Так, иногда случалось, что Давид оставался в Милане надолго, и их совместная жизнь начинала налаживаться. Но в какой-то вечер Сандра возвращалась домой и видела, что муж готовит свой знаменитый раковый суп, куда входит по меньшей мере пять видов зелени и к которому полагаются соленые крекеры. То было его фирменное блюдо. Но согласно установленным между ними правилам Давид таким образом сообщал ей, что на следующий день уезжает. Они ужинали как всегда, говорили о том о сем, он ее смешил, а после они любили друг друга. Утром она просыпалась в постели одна. Давид пропадал неделями, иногда месяцами. Потом в один прекрасный день дверь открывалась, и все становилось как прежде.

Давид никогда ей не докладывал, куда едет. Кроме того последнего раза.

Сандра осушила бокал одним глотком. Она всегда гнала от себя мысль, что с Давидом может случиться что-то плохое. Он рисковал. Если и суждено ему было погибнуть, то на войне или от руки преступника, из тех, чьи дела он расследовал. Глупо, но она никак не могла принять тот факт, что все произошло столь банальным образом.

Она уже почти задремала, погруженная в эти мысли, когда зазвонил мобильник. На дисплее возник незнакомый номер. Было почти одиннадцать часов.

– Я говорю с супругой Давида Леони?

Мужской голос со специфическим немецким акцентом.

– Да, это я. А вы кто?

– Шалбер, сотрудник Интерпола. Мы с вами коллеги.

Сандра выпрямилась, протерла глаза.

– Извините за поздний звонок, но я только сейчас узнал ваш номер.

– И не могли подождать до завтра?

С той стороны раздался веселый смех. Шалбер, кем бы он ни был, откровенно ребячился.

– Простите, это сильнее меня. Если какой-то вопрос не дает мне покоя, я должен его задать. Иначе не засну всю ночь. С вами такого не случалось?

Сандра не могла догадаться по его тону, имеет ли этот человек что-то против нее лично или он вообще нахал. Она решила отделаться поскорее:

– Чем могу помочь?

– Мы начали расследование гибели вашего мужа, и мне необходимо кое-что выяснить.

Сандра нахмурилась:

– Это был несчастный случай.

Наверное ожидая подобной реакции, Шалбер сохранял спокойствие.

– Я прочел рапорт, составленный полицией. Погодите минутку...

Сандра слышала шелест страниц, которые просматривал Шалбер.

– Здесь написано, что ваш муж упал с пятого этажа, но не умер при падении, а скончался несколько часов спустя по причине множественных переломов и внутреннего кровоиз-

лияния... – Он прервал чтение. – Воображаю, как тяжело вам это слушать. Нелегко такое принять.

– Вы даже не представляете, до какой степени. – От этих слов веяло холодом, и Сандра сама себя ненавидела, когда произносила их.

– Согласно рапорту полиции синьор Леони находился в недостроенном здании потому, что оттуда открывался наилучший вид на объект, который он собирался сфотографировать.

– Да, верно.

– Вы видели это место?

– Нет, – разозлилась Сандра.

– Ну а я видел.

– И что вы этим хотите сказать?

Шалбер молчал на секунду дольше, чем полагалось бы.

– «Кэнон» вашего мужа разбился при падении. Жаль, мы никогда не увидим той фотографии, – заметил он с сарказмом.

– С каких пор Интерпол занимается несчастными случаями?

– В самом деле, это в порядке исключения. Но мое любопытство возбуждают не только обстоятельства гибели вашего мужа.

– А что еще?

– Кое-что осталось непроясненным. Мне известно, что вам был отправлен багаж синьора Леони.

– Две сумки. – Она начинала раздражаться, подозревая при том, что этого и добивался собеседник.

– Я испросил разрешения на обыск, но, кажется, опоздал.

– Зачем вам это? Какой интерес они могут для вас представлять?

Последовало короткое молчание.

– Я не женат, но пару раз был к этому близок.

– Меня это как-то касается?

– Не знаю, касается или нет, но когда ты доверяешь свою жизнь кому-то, я хочу сказать, кому-то особенному, вроде супруга... Ну, тогда перестаешь задаваться вопросами. К примеру, не спрашиваешь себя, что он или она делает всякую минуту, когда вы не вместе. Кто-то это называет доверием. Но правда в том, что иногда это не более чем страх... Боишься получить ответ.

– По-вашему, какого рода вопросами должна была бы я задаваться относительно Давида? – Но Сандра сама это прекрасно знала.

Шалбер заговорил серьезным тоном:

– У нас у всех есть секреты, агент Вега.

– Я не знала всех подробностей жизни Давида, мне было известно, какой он человек, и этого довольно.

– Да, но вы никогда не задумывались о том, что он вам не говорит всей правды?

Сандра разозлилась еще больше:

– Послушайте, вы напрасно пытаетесь заронить во мне сомнения.

– Да, в самом деле. Потому что эти сомнения в вас уже есть.

– Вы ничего не знаете обо мне, – возмутилась Сандра.

– Сумки, которые были отправлены вам пять месяцев назад, до сих пор лежат на складе квестуры. Почему вы так и не забрали их?

На губах Сандры появилась горькая улыбка.

– Надо ли объяснять, как мне будет больно снова получить эти вещи. Ведь когда это случится, я должна буду принять тот факт, что все в самом деле кончено, что Давид больше не вернется, и ничего с этим не поделаешь!

– Фигня все это, вам ли не знать.

От такой бестактности Сандра обомлела. На какое-то время потеряла дар речи. Когда наконец смогла как-то отреагировать, выпалила с яростью:

– Иди ты в жопу, Шалбер!

Сбросила звонок. Гнев переполнял ее. Схватила пустой бокал, первое, что подвернулось под руку, и швырнула в стену. Тот тип не имел права. Напрасно она позволила ему говорить, нужно было раньше прервать связь. Сандра встала, принялась в нервном возбуждении ходить по комнате. До сей поры она не хотела в этом признаваться, но Шалбер прав: ей было страшно. Этот звонок не застал ее врасплох, где-то в глубине души она ждала чего-то подобного.

Безумие, думала она. То был несчастный случай. Несчастный случай.

Потом понемногу успокоилась. Огляделась вокруг. Полки в углу с книгами Давида. Коробки анисовых сигарилл штабелями на письменном столе. Просроченный лосьон на полочке в ванной. Место на кухне, где утром по воскресеньям он читал газету.

Первый урок, который усвоила Сандра Вега, заключался в том, что дома никогда не лгут, – *здесь, в Осло, собачий холод, и я жду не дождусь, когда можно будет вернуться*. Но может быть, в ее дом все-таки прокралась ложь, потому что Давид погиб в Риме.

23:36

Мертвый пробудился.

Вокруг – темнота. Ему было холодно, он не знал, где находится, и очень боялся. Все эти ощущения были ему до странности знакомы.

Он помнил выстрел, запах пороха и горелого мяса. Помнил, как мышцы внезапно обмякли и он рухнул на пол. Убедился, что может вытянуть руку, попробовал. Он должен был лежать в луже крови, но крови не было. Он должен был умереть, но был жив.

Прежде всего – имя.

Меня зовут Маркус, произнес он про себя.

Тут реальность явила себя во всей полноте, напомнив ему, по какой причине он все еще жив. И находится в Риме, дома, в своей постели, где спал, пока не проснулся. Сердце бешено колотилось и никак не могло успокоиться. Он был весь в поту и дышал с трудом.

Но в очередной раз пережил этот сон.

Чтобы не поддаться панике, он обычно оставлял свет включенным. Но в этот раз забыл. Сон навалился внезапно, он даже раздеться не успел. Повернул выключатель, посмотрел на часы. Он спал каких-нибудь двадцать пять минут.

Этого хватило.

Маркус взял фломастер, лежавший возле подушки, и написал на стене: «Разбитое стекло».

Белая стена, у которой стояла раскладушка, стала его дневником. Вокруг – пустая комната. Мансарду на улице Деи Серпенти, жилище, лишённое памяти, он выбрал, чтобы вспоминать. Две комнаты. Никакой мебели, только складная кровать и лампа. Одежда – в чемодане на полу.

Всякий раз, выбираясь из сна, он что-то прихватывал с собой в явь. Образ, слово, звук. На этот раз – звон стекла, разбитого вдребезги.

Но что за стекло?

Фотограммы⁵ сцены, всегда одной и той же. Он все записывал на стене. За последний год собрал воедино многие детали, но их все еще было недостаточно, чтобы восстановить полную картину того, что произошло в гостиничном номере.

Он точно знал, что находился там, и с ним – Девок, самый лучший, самый дорогой друг, который все что угодно сделал бы для него. Он казался напуганным, смятым. Маркус не смог бы сказать, почему так подумал, но наверняка случилось что-то серьезное. Он помнил ощущение опасности. Может быть, Девок хотел его предупредить.

Но они были не одни. С ними был кто-то третий.

Пока только неопределенная тень, ощущение. От третьего исходила угроза. Мужчина, в этом Маркус уверен. Но не знает кто. Зачем он пришел? Он был вооружен и в какой-то момент вытащил пистолет и стал стрелять.

Выстрел сразил Девочку. Друг падал на него, как при замедленной съемке. Закатившиеся глаза были уже пустыми. Руки прижаты к груди, в области сердца. Черная кровь сочится сквозь пальцы.

Прозвучал второй выстрел. И почти одновременно он увидел вспышку. Пуля настигла его. Он отчетливо ощутил, как она ударила в череп. Почувствовал, как треснула кость, как чужеродное тело проникло в мозг, будто мокрый палец, как теплая, вязкая кровь потекла из раны.

---

⁵ Фотограмма – изображение, полученное фотохимическим способом, без применения фотоаппарата.

Через эту черную дыру в черепе вытекло все. Его прошлое, его личность, его лучший друг. Но главное – лицо врага.

Ибо на самом деле Маркуса мучило то, что он не мог вспомнить, как выглядел человек, причинивший ему столько зла.

Парадоксальным образом, если он хотел найти этого человека, то должен был эти поиски отложить. Ведь чтобы отомстить врагу, он должен был стать прежним Маркусом. А значит, не мог позволить себе думать о том, что случилось с Девоком. Нужно было начать все сначала, вновь обрести себя.

Единственный способ – найти Лару.

Разбитое стекло. Маркус отложил на потом новую информацию и снова задумался над последними словами Клементе. «С этого момента ты работаешь один». Временами Маркус даже сомневался, есть ли кто-то еще, кроме них двоих. Когда его единственный информант нашел его на больничной койке – полумертвым и потерявшим память – и открыл ему, кто он такой, Маркус не поверил. Понадобилось время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

«Собаки не различают цветов», – повторил он любимую фразу Клементе, убеждая себя в том, что все вершится наяву, все реально. Потом взял папку с делом Джереми Смита – с. 2. 97–95–6, – сел на постель и принялся изучать ее содержимое, пытаясь отыскать какой-нибудь след, который привел бы его к пропавшей студентке.

Начал с самого убийцы, с его краткой биографии. Джереми Смит, пятидесяти лет, холост. Происходит из семьи зажиточных буржуа. Мать итальянка, отец англичанин, оба умерли. Им принадлежали в этом городе пять магазинов тканей, но в восьмидесятых годах они продали дело. Джереми – единственный сын, никаких близких родственников. Имея возможность жить на приличную ренту, никогда не работал. Тут биография прерывалась, в истории этой жизни имелось белое пятно. В последних двух строках лаконично указывалось, что он живет в полном уединении на вилле, расположенной на холмах в окрестностях Рима.

Маркус рассудил, что нет ничего особенного в превратностях такой судьбы. Мало того, сложились все условия, чтобы Джереми стал тем, кем стал. Одиночество, эмоциональная незрелость, неспособность к общению с близкими – и вместе с тем желание, чтобы кто-то был рядом.

Ты знал, что единственный способ добиться внимания женщины – похитить ее и связать, так ведь? Именно так. Чего ты хотел добиться, какова была твоя цель? Ты забирал их не для секса. Ты не насиловал, не истязал.

Ты хотел, чтобы они стали твоей семьей.

То были попытки принуждения к совместной жизни. Ты пытался наладить отношения, любить их, как положено хорошему мужу, но они были слишком напуганы, чтобы ответить на твои чувства. Каждый раз ты пробовал жить с ними вместе, но через месяц понимал, что это невозможно. До тебя доходило, что эта любовь – больная, извращенная, что она существует только в твоём уме. И потом, – не станем таить правду – ты страстно желал приставить им к горлу нож. Так в конечном итоге ты их убивал. Но все время продолжал поиски... любви.

Сколь бы ни было четким это рассуждение, любой бы счел его притянутым за уши. А Маркус не только выстроил его, но в конце концов и принял как верное. Он спросил себя, с какой стати, но ответить не смог. В этом тоже проявляется его талант? Временами ему становилось страшно.

Маркус принялся анализировать модус операнди Джереми. Он действовал безнаказанно на протяжении шести лет и убил четверых. За каждым убийством следовал период покоя и удовлетворения, когда преступнику было достаточно воспоминания о совершенном насилии, чтобы обуздать инстинкт, заставляющий снова искать жертву. Когда благотворное воздействие теряло силу, начинала вырваться новая фантазия, которая приводила к новому похищению. Никакой мистики, самый настоящий физиологический процесс.

Жертвами Джереми были женщины, от семнадцати до двадцати восьми лет. Он их высматривал днем. Приближался под каким-то предлогом, чем-то угощал, подмешав в питье гипнотическое средство – ГОМК, или рогипнол, «таблетку изнасилования». Когда их сознание затмевалось, было легко их вести куда угодно.

Но почему девушки принимали от него угощение?

Маркусу это показалось странным. Он подумал, что такой тип, как Джереми – немолодой и далеко не красивый, – должен был бы возбуждать в жертвах подозрения относительно своих истинных намерений. И все-таки девушки позволяли ему подойти.

Доверяли ему.

Может быть, он предлагал им деньги или что-то заманчивое. Один из способов подцепить девушку – очень популярный среди маньяков и им подобных – пообещать ей хорошее место, или легкий заработок, или запись на конкурс красоты, или доступ на кастинг фильма, или участие в телевизионной программе. Но такие приемы требуют недюжинного обаяния, что явно не стыкуется с характером Джереми, человека необщительного, затворника.

Как ему удавалось их обмануть?

И потом, почему никто не замечал его приставаний? До Лары – четыре случая похищений из общественных мест, и ни одного свидетеля. А ведь его «ухаживание» занимало какое-то время. Но может быть, в самом вопросе уже содержится ответ: Джереми Смит был настолько незначительным в глазах окружающих, что это делало его практически невидимым.

Ты вертелся вокруг них в свое удовольствие. И упивался своей силой, потому что никому не удавалось тебя разглядеть.

Маркус припомнил татуировку на его груди: *Убей меня*. Он как будто бы говорит, что в конечном итоге немного нужно, чтобы обнаружить нечто за пределами видимости, сказал он тогда Клементе, а потом добавил: «Когда истина прописана на коже, она доступна для каждого, укрыта – и тем не менее рядом».

Ты был вроде таракана, который ползает по полу во время праздника: никто его не замечает, никому он не интересен. Надо только постараться, чтобы тебя не раздавили. У тебя это отлично получалось. Но с Ларой ты решил действовать по-другому. Ты забрал ее из дома, из ее собственной постели.

Стоило только Маркусу мысленно произнести имя студентки, как на него обрушился целый ряд причиняющих боль вопросов. Где она теперь? Да жива ли она еще в этот самый момент? И даже если жива, каким испытаниям подвергается? Есть ли в ее темнице вода и пища? Сколько она продержится? Она в сознании или под наркотиком? Связал ли девушку ее тюремщик?

Маркус постарался выбросить все это из головы: эмоции отвлекают. Он должен рассуждать трезво, отстраненно. Ибо был уверен, что существовал веский мотив для того, чтобы Джереми Смит коренным образом изменил свой модус операнди с Ларой. Говоря о Джереми, Клементе выдвинул тезис, будто некоторые серийные убийцы стремятся к совершенствованию, добавляя детали, чтобы усилить наслаждение. Таким образом, похищение студентки можно считать чем-то вроде «вариации на тему». Маркус, однако, так не думал: перемена являлась слишком радикальной и внезапной.

Может, Джереми устал плести эту сложную цепь обманов ради достижения цели, сказал он себе. А может, понял, что нехитрые его уловки рано или поздно перестанут срабатывать: вдруг какая-нибудь из девушек уже слышала историю предыдущих жертв и сможет его разоблачить. Он становился знаменитым. Риск возрастал в геометрической прогрессии.

Нет. Не по этой причине ты изменил стратегию. Чем же Лара отличается от остальных?

Дело усложнял еще и тот факт, что четыре предыдущие девушки не имели ничего общего между собой: разный возраст, разные лица – у Джереми не было определенного вкуса в отношении женщин. Маркус определил бы его выбор как случайный. Он полагался на судьбу, дей-

ствовал наудачу, иначе все девушки были бы друг на дружку похожи. Чем дольше Маркус вглядывался в фотографии убитых женщин, тем больше убеждался в том, что убийца похитил их попросту потому, что они бросались в глаза, к ним было легко подойти. Вот он и захватывал их при всем честном народе. Он их не знал, сказал себе Маркус.

Но Лара – *особенная*. Джереми не мог рисковать. Поэтому он увел девушку из ее дома, а главное, действовал ночью.

Маркус отложил папку, встал с раскладушки и подошел к окну. Когда опускался вечер, крыши Рима, разноуровневые, причудливых очертаний, походили на бурное море теней. Это время суток он больше всего любил. Странная безмятежность овладевала им, даже показалось на мгновение, будто он в ладу с самим собой. Благодаря этому покою Маркус понял, где ошибался. Он побывал в квартире Лары при солнечном свете, а следовало прийти туда в темноте, как это сделал похититель.

Если он хочет понять, каков был замысел Джереми, следует в точности воссоздать условия, в которых тот действовал.

Как только эта новая идея укрепилась в нем, Маркус схватил плащ и выбежал из мансарды. Он должен вернуться в дом на улице Коронари.

Год назад. Париж

Охотник знал цену времени. Главным его достоинством было терпение. Он умел выжидать, но исподволь готовился к решающему броску, предвкушая радость победы.

Внезапно налетевший ветерок приподнял салфетку, звякнули бокалы на соседнем столике. Охотник поднес к губам пастис, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца. Заодно разглядывал машины, проезжавшие мимо быстро. Прохожие, занятые своими делами, не обращали на него внимания.

На нем был синий костюм с голубой рубашкой, узел галстука ослаблен: так он походил на служащего, который зашел выпить рюмочку после работы. Он знал, что одинокие бросаются в глаза, поэтому поставил на соседний стул бумажный пакет с покупками, из которого торчали багет, пучок петрушки и трубочка разноцветных леденцов: пусть думают, что у него семья. Кроме того, он носил обручальное кольцо.

Но у него никого не было.

С годами его потребности сократились до минимума, он вел весьма умеренную жизнь. Ему нравилось считать себя аскетом. Он усмирал любое стремление, не ведущее к его единственной цели, избегал желаний, которые отвлекали. Ему было необходимо только одно.

Добыча.

Некоторое время преследование было безуспешным, но последние сведения, какими он располагал, наводили на этот город. И он туда переехал, не дожидаясь подтверждения. Он должен был видеть то, что видел преследуемый, ходить по тем же улицам, испытывать странное ощущение оттого, что может встретить свою добычу в любой момент, пусть даже о том и не подозревая. Ему было необходимо знать, что оба они находятся под одним и тем же небом. Это придавало ему бодрости, заставляло верить, что рано или поздно зверь покинет нору.

Чтобы оставаться незаметным, он менял жилище каждые три недели, выбирая маленькие гостиницы или съемные комнаты, осваивая город район за районом. Он оставлял за собой кое-какие приманки, но ничего более, будучи уверен в том, что зверь сам обнаружит себя.

И терпеливо ждал.

С недавних пор он жил в «Отель де Сент-Пер» в Шестом округе. В номере копились газеты, лихорадочно исчерканные в поисках следа, хоть самого слабого, который проделал бы брешь в этой непробиваемой, нестерпимой стене темноты и молчания.

Он жил тут уже почти девять месяцев, но не продвинулся ни на шаг. Его уверенность пошатнулась. Но потом вдруг случилось нечто такое, чего он ожидал. Явился знак. Произошло событие, смысл которого только он мог прояснить. Он упорствовал, он оставался верен принципам, которые установил для себя. И был теперь вознагражден.

Двадцать четыре часа тому назад, прорывая траншею на улице Мальмезон в Баньоле, рабочие наткнулись на труп.

Мужчина, около тридцати лет, ни одежды, ни личных вещей. Смерть наступила где-то около года тому назад. В ожидании результатов вскрытия никто особо не задавался вопросами относительно трупа. Если учесть, как много времени прошло с момента смерти, для жандармерии это было тухлое дело. Улики – если таковые и были – уже стало трудно или невозможно собрать.

Тот факт, что труп был найден в пригороде, заставлял предполагать разборку между бандами, которые контролировали рынок наркотиков. Чтобы не привлекать внимания сил правопорядка, они по-быстрому закопали труп.

Многолетний опыт подсказывал полицейским, что дело не таит в себе никаких загадок. И даже зловещая деталь, которая могла бы их насторожить, не вызвала подозрений.

У найденного трупа не было лица.

Речь не шла о простой жестокости или о посмертном глумлении над врагом. У мертвеца были самым тщательным образом срезаны и раздолблены все лицевые мышцы и кости. Никто не берет на себя такой труд, не имея серьезнейшего мотива.

Охотник отслеживал как раз такие детали.

С самого приезда он контролировал поступления в морги крупнейших больниц. Именно так он и узнал о находке. Через час украл больничный халат и проник в холодильную камеру больницы Сент-Антуан. С помощью штемпельной подушки снял с трупа отпечатки пальцев. Вернувшись в гостиницу, отсканировал их и загрузил в хакерскую программу, способную проникнуть в правительственную базу данных. Охотник знал, что, если в Интернет выкладывается какая-то информация, ее уже невозможно оттуда убрать. Это как человеческий мозг: достаточно какой-нибудь детали, чтобы привести в действие целую цепочку связей, которые помогут припомнить то, что мы полагали давно забытым.

Сеть ничего не забывает.

Охотник ожидал ответа, сидя в темноте: он молился и припоминал пройденный путь. Семь лет миновало с тех пор, как в Мемфисе был обнаружен первый изуродованный труп. Потом – Буэнос-Айрес, Торонто, Панама. И Европа: Турин, Вена, Будапешт. И наконец, Париж.

По крайней мере, эти случаи ему удалось обнаружить. Их могло быть гораздо больше, только никто никогда так о них и не узнал. Убийства происходили в местах, столь удаленных одно от другого, и в столь разное время, что никто, кроме него, не приписал бы их одному и тому же лицу.

Его добыча была сама по себе хищником.

Вначале охотник думал, что имеет дело с «пилигримом», то есть с серийным убийцей, который переезжает из страны в страну, чтобы скрывать свои преступления. Оставалось только обнаружить, где его база. Он определенно происходил из Западной Европы, из какого-то большого города. Пилигримы обычно интегрированы в общество, имеют семью, детей и достаточно средств, чтобы позволить себе частые перемещения. Они хитрые, осторожные, маскируют свою деятельность служебными командировками.

Но потом в этой цепи преступлений он заметил одну особенность, которая вначале от него ускользнула. И все дело предстало в новом, неожиданном свете.

Жертвы становились старше.

Тут он осознал, что преступный ум, с которым ему приходится иметь дело, гораздо более сложный и ужасающий.

Он убивал не затем, чтобы сразу уехать. Он убивал, чтобы иметь возможность остаться.

Вот почему в Париже охотнику мог выпасть счастливый жребий, а мог ожидать очередной провал. Через пару часов из государственных архивов пришел ответ.

Труп без лица, найденный в пригороде, значился в базе данных.

Никакой не торговец наркотиками, обычный человек, согрешивший по молодости: в шестнадцать лет он украл модель «бугатти» из магазина для коллекционеров. В те времена отпечатки пальцев снимали и у несовершеннолетних, хотя заявление потом забрали и дело было закрыто. Но данные, не попав в картотеку лиц, имевших судимость, оказались в базе правительственной организации, которая в те годы проводила статистические исследования преступлений, совершенных подростками.

На этот раз преследуемый совершил ошибку. Труп без лица обрел имя.

Жан Дюэ.

Теперь уже было легко выяснить все остальное: тридцать три года, холостяк, потерял обоих родителей в дорожно-транспортном происшествии, никаких близких родственников, кроме престарелой тетки в Авиньоне, страдающей болезнью Альцгеймера. Он занимался мелкой торговлей через Интернет, которую осуществлял из дома: продавал модели автомобилей

коллекционерам, на это и жил. Человеческие отношения сведены к минимуму, ни подруги, ни друга, никакой компании. Страсть к миниатюрным моделям гоночных автомобилей.

Жан Дюэ подходил как нельзя лучше. Никто не заметит его отсутствия. И главное, никто не станет его искать.

Охотник подумал, что эти характеристики во всем сходны с теми, что были присущи остальным жертвам. Безликие, без особых примет. Занятие, не требующее специальных способностей или умений. Уединенная жизнь, никаких друзей или приятелей, до чрезвычайности мало контактов с людьми, что даже граничит с мизантропией или социофобией. Ни близких родственников, ни семьи.

Охотник порадовался хитроумию своей добычи. Гордыня – грех, но он бывал доволен, когда уровень вызова возрастал.

Он посмотрел на часы: почти семь. В бистро потянулись первые посетители, заказавшие столик, чтобы поужинать. Он жестом подозвал официантку и попросил счет. Мальчик раскладывал по столам последний выпуск вечерней газеты. Охотник взял листки, отлично понимая, что новость об обнаружении трупа Жана Дюэ появится только завтра, а потому у него есть преимущество перед добычей. Он был возбужден: ожидание закончилось. Наступала лучшая фаза охоты. Ему требовалось только одно подтверждение. Поэтому он и сидел теперь в этом бистро.

Легкий ветерок вновь пролетел по улице, задел прилавок цветочника на углу, поднял облако разноцветной пыли. Он и забыл, какая в Париже красивая весна.

Охотник вздрогнул. Еще секунда – и добыча показалась на выходе из метро, в окружении толпы. Голубая ветровка, серые вельветовые брюки, спортивные тапочки, кепка с козырьком. Охотник проводил взглядом мужчину, который шел по противоположной стороне улицы. Голова опущена, руки в карманах. Он и предположить не мог, что кто-то за ним охотится, поэтому не оглядывался вокруг, не принимал никаких мер предосторожности. Отлично, сказал себе охотник, когда добыча спокойно направилась к зеленой двери дома на улице Ламарк.

Официантка принесла чек:

– Вам понравился пастис?

– Да, конечно, – улыбнулся он.

И пока охотник вынимал из кармана кошелек, Жан Дюэ, ни о чем не подозревая, возвращался домой.

* * *

Жертвы все время становятся старше, повторил про себя охотник. Он выследил добычу почти случайно: соединяя трупы без лица, рассеянные по миру, заметил, что кто-то на протяжении лет присваивал, примерял на себя их существование. По мере того как убийца становился старше, менялся, словно размер одежды, и возраст жертв.

Добыча – серийный убийца-трансформист.

Он еще не знал мотива такого единственного в своем роде способа действия, но скоро – очень скоро – будет получено объяснение.

Охотник встал в нескольких метрах от зеленой двери, в руках – бумажный пакет с покупками; он ждал, пока выйдет кто-нибудь из жильцов, тогда он проникнет в дом.

Наконец ожидание увенчалось успехом. На пороге появился старик, он вел на прогулку коричневого кокер-спаниеля. В придачу к теплому пальто на нем была широкополая шляпа и очки с толстыми стеклами. Все внимание старика было приковано к псу, который тащил его в сторону сквера. Охотник придержал рукой дверь и вошел незамеченным.

Лестничная клетка была темной и узкой. Он прислушался. Голоса и звуки, доносящиеся из квартир, сливались в единое эхо. Он взглянул на почтовые ящики: Жан Дюэ жил в квартире 3Q.

Охотник поставил на первую ступеньку пакет с покупками, вынул багет и пучок петрушки и достал со дна «Беретту-М92Ф», которую в американской армии переделали в усыпляющий пистолет: он приобрел это оружие у одного наемника в Иерусалиме. Чтобы успокоительное подействовало немедленно, нужно целиться в голову, в сердце или в пах. Требовалось пять секунд, чтобы вытащить обойму и перезарядить оружие. Это слишком много. Значит, нужно поразить цель с первого выстрела. Возможно, добыча тоже вооружена, причем стволом с настоящими патронами. Охотнику же вполне хватит и усыпляющего пистолета.

Он хотел взять добычу живьем.

Он не успел изучить привычки преступника. Но за все эти годы понял, что основным правилом для него была последовательность. Зверь не должен был слишком отклоняться от образа жизни, который назначил себе. Если скрупулезно повторять одни и те же действия в предусмотренном порядке, меньше вероятности, что на тебя обратят внимание, ты же при этом сможешь контролировать ситуацию: охотник и этому научился от своей добычи. Вообще говоря, зверь до какой-то степени служил примером. Научил охотника ценить дисциплину и самоотречение. Умел приспосабливаться к обстоятельствам, даже самым неблагоприятным. Был вроде тех организмов, которые обитают в глубинах океана, куда не проникает свет, где холод и колоссальное давление в единый миг убили бы человека. Эти твари бросают вызов природе там, где никакой жизни не должно быть. Таким был и преследуемый. Он не знал другого способа двигаться вперед. Охотник даже немного восхищался им. В конечном итоге он боролся за выживание.

Сжимая усыпляющий пистолет, охотник поднялся по лестнице на четвертый этаж. Остановился перед дверью Жана Дюэ, легко отомкнул замок. В тишине только тикают часы с маятником. Квартира не слишком большая, максимум восемьдесят квадратных метров, три комнаты, ванная. Сразу за дверью короткий коридор.

Свет просачивался из-под единственной закрытой двери.

Охотник пошел вперед, стараясь ступать как можно тише. Первая комната. Резким движением распахнул дверь, переступил порог с пистолетом наготове. То была кухня, пустая. Всюду порядок и чистота. Посуда в буфете, тостер, тряпка возле духовки. Он испытал необычное волнение, оказавшись в тесной норе зверя, прикоснувшись к его миру. Прошел в ванную. Там тоже никого. Керамическая плитка в шахматном порядке, белая и зеленая. Одинокaя зубная щетка. Расческа под черепаху. В следующей комнате – широкая супружеская постель. Стеганое атласное одеяло бордового цвета. Стакан воды на тумбочке. Кожаные тапки. И во всю стену полки, заставленные коллекционными моделями автомобилей: страсть Жана Дюэ.

Охотник покинул эту комнату и добрался наконец до закрытой двери. Прислушался. Ни единого звука не доносилось изнутри. Опустил взгляд. Полоса золотистого света простиралась у его ног. Но никакая тень не нарушала это сияние – в комнате никого не было. Зато на полу он заметил знак, которого прежде не видел.

Венчик маленьких темных пятен.

Кровь, подумал он. Но сейчас не время останавливаться на деталях. Некогда сомневаться, некогда отвлекаться. Преследуемый зверь безжалостен и хитер, об этом следует помнить. Охотник, хоть и подпал под его чары, знал: бездна, в которую глядится этот дух, бездонна, несоизмерима с трепещущим созданием, обитающим в чужом теле.

Единственный способ одолеть его – напасть первым, застигнуть врасплох. Момент настал. Охота завершается. Только потом все обретет смысл.

Он сделал шаг назад, ногой распахнул дверь. Выставил усыпляющий пистолет в надежде тотчас же обнаружить цель. Но не увидел ее. Дверь, оттолкнувшись от стены, стала закрываться, охотник придержал ее вытянутой рукой. Вошел, быстро огляделся.

Никого.

Гладильная доска. На комодѣ старый радиоприемник и включенная лампа. Вешалка, на ней одежда.

Охотник подошел ближе. Как это возможно? Те же вещи, в которые была одета добыча, когда входила в дом. Голубая ветровка, серые вельветовые брюки, спортивные тапочки и кепка с козырьком. Охотник посмотрел вниз и увидел в углу миску.

Федор, было написано по краю. Ему пришел на память старик, который вел на прогулку кокер-спаниеля.

«Проклятье!» – выругался он про себя. Но потом, осознав всю искусность обмана, расхохотался. Система защиты, разработанная трансформистом, привела его в восхищение. Каждый день, возвратившись домой, он переодевался и вел пса на прогулку в сквер. И оттуда следил за своим домом.

Это означало, что Жан Дюэ – точнее, гнусная тварь, занявшая его место, – теперь знал о существовании охотника.

Четыре дня назад

1:40

После дождя бродячие псы завладели узкими улочками исторического центра. Они ходили стаями, молча прижимаясь к стенам. Маркус наткнулся на них перед улицей Коронари, вся стая двигалась ему навстречу. Вожаком был рыжий одноглазый пес, дворянга. На миг их взгляды встретились, человек и собака как будто узнали друг друга. Потом разошлись как ни в чем не бывало.

Через несколько минут Маркус вновь переступил порог квартиры, которую Лара занимала в доме университетской корпорации.

В темноте, так же как Джеремиа Смит.

Маркус протянул руку к выключателю, но передумал. Возможно, у похитителя был с собой фонарик. Маркус вынул свой из кармана и начал осматриваться. Луч света выхватывал из тени предметы мебели и домашнюю утварь.

Он точно не знал, что ищет, но был убежден, что существует какая-то связь между молодой студенткой и Джеремией. Лара была куда больше, чем просто жертвой, она была объектом желаний. Маркус должен восстановить эту связь, только так он может обнаружить место, где девушку держат в заточении. Одни предположения вперемишку с надеждами, но в данный момент ничем не стоит пренебрегать.

Издалека доносился лай бродячих псов.

Под этот унылый аккомпанемент Маркус принялся исследовать первый этаж, начав с ванной комнаты, где находился люк, через который похититель забрался в квартиру. На полочке в душевой кабине аккуратно, по росту, выстроились флаконы: гель для душа, шампунь, бальзам. С тем же тщанием у стиральной машины были расставлены порошки и моющие средства. За зеркалом над раковиной скрывался шкафчик: там лежали косметика и лекарства. Календарь на двери показывал страницу прошлого месяца.

Собаки на улице залаяли громче, зарычали – похоже, передрались.

Маркус вернулся в крошечный закуток, где находилась кухня. Перед тем как подняться наверх, Джеремиа Смит не забыл опорожнить сахарницу, стоявшую посередине стола, и находившуюся на кухонной полке банку с надписью «SUGAR», чтобы уничтожить следы наркотика. Все это он проделал в полном спокойствии, без спешки. Тут он ничем не рисковал. У него было вдоволь времени, пока Лара спала.

Ты молодец, ты не совершаешь ошибок, но что-то все-таки должно быть. Маркус знал, что истории о серийных убийцах, которые жаждут открыть миру свои подвиги и поэтому бросают вызов тем, кто старается их остановить, не более чем сказочка средств массовой информации, предназначенная для того, чтобы привлечь внимание публики. Серийному убийце нравится то, что он делает. Именно поэтому он хочет продолжать свою деятельность как можно дольше. Известность не интересует его, она стала бы препятствием. Но иногда он оставляет после себя какой-нибудь знак. Не для того, чтобы сообщить, а для того, чтобы поделиться.

«Что же ты оставил для меня?» – задался вопросом Маркус.

Он осветил фонариком кухонные полки. На одной из них стояли кулинарные книги. Наверное, Ларе, когда она жила с родителями, не приходилось готовить еду. Зато перебравшись в Рим, она стала заботиться о себе сама, и готовить тоже. Но между книжек с цветными корешками выделялся толстый черный том. Маркус подошел ближе, наклонил голову, прочитал заглавие. Библия.

«Аномалии», – подумал он.

Он взял книгу и открыл ее там, где была вложена закладка из красного атласа. Послание апостола Павла к фессалоникийцам.

«День Господень так придет, как тать ночью».

Зловещая ирония, определенно не случайная. Кто-то специально поставил сюда эту книгу? Слова Павла относились к Страшному суду, но, с другой стороны, прекрасно описывали то, что случилось с Ларой. Кто-то унес ее отсюда. На этот раз тать похитил человека. Молодая студентка не замечала присутствия Джеремии Смита, который витал вокруг нее, точно тень. Маркус оглянулся вокруг: диван, телевизор, журналы на столике, холодильник с магнетиками, ветхий истоптанный паркет. В этом тесном жилище Лара себя чувствовала в безопасности. Но дом оказался бессилён ее защитить. Как могла она что-то заметить? Как могла догадаться о чем-то? Человек по природе своей оптимист, сказал себе Маркус. Для выживания вида важно пренебрегать потенциальной опасностью, концентрируясь только на тех, что наиболее вероятны.

Нельзя жить в постоянном страхе.

Позитивный взгляд на вещи заставляет нас двигаться вперед, невзирая на превратности, на боль, которыми усеян жизненный путь. Одно неладно: за позитивностью часто таится зло.

Бродячие псы вдруг умолкли. По затылку Маркуса пробежал холодок: он услышал новый звук. Почти неразличимый скрип шагов по деревянному полу.

День Господень придет, как тать ночью, припомнил он, одновременно осознавая, что было ошибкой не проверить сначала верхний этаж.

– Выключи его.

Голос доносился с лестницы за спиной Маркуса, и требование, очевидно, касалось фонарика, который он держал в руке. Маркус, не оборачиваясь, подчинился. Кто бы ни был этот человек, он уже находился в квартире, когда Маркус пришел. Маркус вслушался в тишину, которая его окружала. Человек стоял метрах в двух от него, не больше. Кто знает, сколько времени незнакомец наблюдал за ним.

– Повернись, – велел голос.

Маркус медленно повернулся. Слабый свет из внутреннего двора просачивался сквозь оконную решетку, отбрасывая на стену перекрещивающиеся тени, похожие на клетку. В эту клетку был заперт, подобно дикому зверю, темный, угрожающий силуэт. Тень, наложенная на тени. Мужчина был выше Маркуса сантиметров на двадцать, крепкого сложения. Они долго стояли неподвижно, не произнося ни слова. Потом снова раздался голос из тьмы:

– Это ты?

Судя по тембру, говорил очень молодой человек. В тоне голоса Маркус распознал бешенство, но также и страх.

– Это ты, сукин сын.

Как узнать, есть ли у него оружие. Маркус промолчал: пусть лучше говорит незнакомец.

– Я видел, как ты приходил сюда с тем, другим, вчера утром.

Маркус понял, что речь идет о его первом визите, вместе с Клементе.

– Вот уже два дня я глаз не спускаю с этого места. Чего вы от меня хотите?

Маркус попробовал вдуматься в эти слова, но их смысл от него ускользал. И трудно предугадать, что может случиться.

– Хотите надуть меня?

Тень шагнула к нему. Маркус разглядел руки юноши и понял, что тот безоружен. И тогда подал голос:

– Не знаю, о чем ты говоришь.

– Ты меня хочешь обдурить.

– Может, лучше выйдем отсюда, поговорим спокойно, – предложил Маркус, пытаясь наладить диалог.

– Будем говорить здесь.

Маркус решил действовать напрямик:

– Ты здесь из-за пропавшей девушки?

– Не знаю я никакой девушки, я тут ни при чем. Хочешь впутать меня в историю, кусок дерьма?

Маркус почувствовал, что парень говорит правду: если он – сообщник Джереми Смита, зачем возвращаться, когда это так рискованно?

Маркус не знал, что сказать. Прежде чем нашелся ответ, незнакомец набросился на него, схватил за грудки, впечатал в стену. Не ослабляя хватки, свободной рукой вынул конверт и помахал у него перед носом:

– Ты написал мне это хреново письмо?

– Нет, не я.

– Тогда что ты здесь делаешь?

Маркусу прежде всего нужно было понять, какую связь может иметь эта сцена с исчезновением Лары.

– Давай, если хочешь, поговорим о письме.

Но парень вовсе не намеревался уступать инициативу:

– Тебя прислал Раньери? Можешь сказать убудку, что я пас.

– Я не знаю никакого Раньери, поверь.

Маркус попробовал вывернуться, но парень держал его крепко. Он еще не закончил.

– Ты полицейский?

– Нет.

– А символ? Никто не знал о символе.

– Что за символ?

– Тот, что в письме, дерьмо.

Письмо и символ: Маркус усвоил информацию. Не так-то много, но, может быть, это окажется полезным, чтобы разгадать намерения парня. Или же он попросту бредит. Надо как-то выпутываться из этой ситуации.

– Хватит болтать про письмо. Я о нем ничего не знаю.

Парень заколебался:

– Кто ты, на хрен, такой?

Маркус не отвечал, ждал, пока юнец успокоится. Но вместо этого, сам не зная как, очутился на полу, и парень придавил его всем своим весом. Маркус пытался сопротивляться, но парень стискивал ему грудь и бил со всей силы. Маркус поднял руки, прикрывая лицо, но удары достигли цели. Он ощутил вкус крови во рту. Уже почти теряя сознание, понял, что взрыв ярости исчерпал себя. С того места, где лежал, увидел, как юнец открывает дверь квартиры. На мгновение разглядел его со спины, в свете, проникающем из внутреннего двора. Потом хлопнула входная дверь. Послышались быстрые шаги.

Маркус выждал немного, потом попробовал встать. Голова кружилась, в ушах звенело. Боли он не чувствовал. До поры до времени. Все навалится вместе, он это знал, но только чуть погодя. Так с ним бывало всегда. Болеть будет все тело, не только побитые места. Он не помнил точно, откуда такая уверенность, но знал, что так и будет.

Он приподнялся, сел. Попробовал собраться с мыслями. Позволил парню удрать, а следовало найти способ задержать его. Стал искать себе оправдание: ведь в конечном итоге вряд ли получилось бы добиться от него толку. В любом случае кое-чего он все-таки достиг.

В драке он завладел письмом.

Ощупью поискал фонарик, откатившийся в сторону. Нашел, дважды нажал кнопку и посветил на конверт.

Отправитель не значился, а адресовано письмо было некоему Раффаэле Альтьери. Судя по дате на штемпеле, отправлено три дня назад. Внутри конверта – листок, на котором отпечатан только адрес Лары на улице Коронари. Но поразил Маркуса символ, стоявший вместо подписи.

Три красные точки, составляющие треугольник.

6:00

Ей так и не удалось заснуть. После звонка Шалбера она час за часом ворочалась в постели. Наконец радиобудильник пропиликал пять часов, и Сандра встала.

Она быстро собралась и вызвала такси, чтобы ехать в квестуру: ей не хотелось, чтобы кто-то из коллег заметил ее машину. Конечно, никто не стал бы приставать с расспросами, но с некоторых пор Сандру раздражали взгляды, которые она ловила на себе. Вдова. Не так ли за глаза называют ее? Во всяком случае, именно так о ней думают. Это сочувствие назойливо прилипало к ней каждый раз, когда она проходила мимо сослуживцев. Хуже всего, что некоторые считали своим долгом что-то сказать. Она уже собрала целую коллекцию утешительных фраз. Самая избитая: «Мужайся, твой Давид хотел бы видеть тебя сильной». Сандре хотелось записать их все, а потом поведать миру, что существует нечто худшее, чем безразличие к чужой боли: банальности, с помощью которых пытаются ее исцелить.

Но вероятно, дело было в ней самой и в ее раздражительности. Так или иначе, она хотела подойти на склад вещественных доказательств к тому времени, когда меняется ночная смена.

За двадцать минут она добралась до места. Сначала зашла в бар, прихватила рогалик и капучино и явилась к коллеге, который собирался домой.

– Привет, Вега, – сказал тот, когда она зашла за стойку. – Что ты здесь делаешь в такую рань?

Сандра попыталась изобразить безмятежную улыбку:

– Принесла тебе завтрак.

Коллега с радостью принял пакет:

– Ты настоящий друг. Ночка выдалась бурная: арестовали банду колумбийцев, они толкали наркотики перед вокзалом Ламбрате.

Сандра не хотела терять время на бесполезную болтовню, поэтому прямо перешла к делу:

– Я бы хотела забрать сумки, которые оставила здесь пять месяцев назад.

Коллега взглянул на нее в изумлении, но тотчас же вскочил, готовый помочь:

– Сейчас принесу.

Он углубился в длинные коридоры склада. Сандра слышала, как, роясь на полках, парень что-то бормочет себе под нос. Она изнывала от нетерпения, но старалась держать себя в руках. В последнее время все ее раздражало. Ее сестра говорила, что так проходит один из четырех периодов траура. Она это вычитала в какой-то книжке и не очень помнила последовательность, потому и не могла сказать, какой сейчас период и скоро ли все они закончатся. Сандра в такие вещи не верила, но слушала, не возражая. Собственно, никого из семьи по-настоящему не затронуло ее горе. Не то чтобы все они были бесчувственными, но чем утешить вдову, которой едва исполнилось двадцать девять лет? И они ограничивались тем, что цитировали статьи из журналов или приводили в пример кого-нибудь из дальних знакомых. Им этого хватало, чтобы не испытывать неловкости, да и Сандра в глубине души была этим довольна.

Через пять минут коллега вернулся с двумя большими сумками Давида.

Он тащил их за ручки, не то что Давид, который забрасывал их на плечи. Одну на правое плечо, вторую на левое. И пошатывался при ходьбе.

«Так ты похож на ишака, Фред».

«Но все равно я тебе нравлюсь, Джинджер».

При виде этих сумок Сандра почувствовала себя так, будто кто-то ударил ее кулаком под дых. Этого она и боялась. Здесь, в сумках, был ее Давид, там содержался весь его мир. Будь ее воля, они бы так и валялись на складе, пока кто-нибудь по оплошности не отправил бы их в измельчитель вместе с уже ненужными вещественными доказательствами. Но прошлым вечером Шалбер сделал весомыми и существенными туманные вопросы, которые копились в

опасной близости от сердца с тех самых пор, как она обнаружила, что Давид ей солгал. Сандра не могла допустить, чтобы кто-то в чем-то заподозрил ее мужчину. Но главное, она поняла, что сама не может примириться с этим.

– Вот, пожалуйста, – сказал коллега, ставя сумки на стойку.

Не нужно было ничего подписывать, вещи держали здесь, просто оказывая ей услугу. Их прислали из римской квестуры сразу после происшествия. Она всего лишь не забрала их.

– Хочешь проверить, все ли на месте?

– Нет, спасибо. И так хорошо.

Но коллега все смотрел на нее, внезапно погрузнев.

Только не это, взмолилась она.

И все-таки это прозвучало:

– Мужайся, Вега. Даниэль хотел бы видеть тебя сильной.

Какой, к черту, Даниэль, подумала она, выдавливая из себя улыбку. И, поблагодарив, забрала сумки Давида.

* * *

Через полчаса она вернулась домой. Поставила сумки на пол под дверь и какое-то время держалась на расстоянии, издали поглядывая на них. Так бродячий пес крутится вокруг куска, который ему предлагают, силясь понять, можно ли доверять дающему. Она же искала в себе мужество, чтобы выдержать испытание. Приближалась, отходила опять. Заварила чай, села на диван и смотрела на сумки, баюкая чашку в руках. Впервые задумалась о том, что она только что сделала.

Вернула Давида домой.

Может быть, какая-то ее часть все эти месяцы надеялась, воображала, верила, что рано или поздно муж вернется. Одна мысль о том, что они уже больше никогда не будут любить друг друга, доводила Сандру до безумия. Иной раз она забывала, что муж умер, ей приходило что-то в голову, и она говорила себе: «Это нужно обязательно рассказать Давиду». В следующий миг правда наваливалась на нее, и горечь возвращалась.

Давида больше не будет никогда. Точка.

Сандра мысленно вернулась к тому дню, когда впервые примирилась с такой реальностью. Это произошло у ее двери столь же тихим, спокойным утром. Она держала двоих полицейских у порога, веря, что, пока они остаются там, пока не нарушают границу, весть о смерти Давида – неверная, нематериальная. И ей пока не нужно принимать на себя то, что вот-вот ворвется в ее дом. Ураган, сметающий все и в то же время оставляющий каждую вещь в неприкосновенности. Она не думала, что у нее хватит сил.

Но вот все-таки хватило, сказала она себе. И раз уж Шалбера заинтересовал этот багаж, на то имеется причина.

Сандра поставила чашку на пол и решительно направилась к сумкам. Сначала взяла ту, что полегче. В ней была только одежда. Сандра перевернула ее и вытряхнула на пол. Рубашки, брюки, свитера – все вперемешку. Запах Давида, его кожи окутал ее, но она попыталась отрезвиться.

Боже мой, Фред, как мне тебя не хватает.

Сандра запретила себе плакать. Рылась в вещах с отчаянием, неистово. Несмотря ни на что, ей являлся Давид, одетый в эти брюки, эти рубашки, эти свитера. Мгновения жизни вдвоем. На нее накатила тоска пополам с бешенством и, наконец, гнев.

В вещах ничего не было. Она проверила также карманы, внутренние и наружные. Ничего.

Сандра почувствовала себя опустошенной. Но самое тяжелое позади. Теперь настала очередь рабочей сумки. С этими предметами не были связаны воспоминания. Более того, в них заключалась причина гибели Давида. Поэтому с ними разбираться будет легче.

Прежде чем начать, она вспомнила, что имеется список содержимого. Он хранился в тумбочке Давида, в ящике. Давид сверялся с этим списком всякий раз, когда готовился к отъезду. Сандра прошла в комнату и взяла список. Потом стала извлекать предмет за предметом.

Прежде всего вынула второй «рефлекс» Давида. Первый разбился при падении. Фирмы «Кэнон» – а Сандра предпочитала «Никон». По этому поводу возникали в семье горячие споры.

Сандра включила фотоаппарат. Память пуста.

Она вычеркнула «рефлекс» из списка и продолжила дальше. Подключила к сети разные электронные приборы, поскольку батарейки за эти месяцы успели разрядиться. Потом проверила их все. Последний звонок по спутниковому телефону был сделан слишком давно и не представлял интереса. А сотовый она уже проверяла, когда ездила в Рим для опознания тела. Давид использовал его только затем, чтобы вызвать такси, да еще для последнего звонка на ее автоответчик – *здесь, в Осло, собачий холод*. В остальном он как будто отрезал себя от мира.

Сандра включила ноутбук, надеясь хоть там что-нибудь найти. Но по экрану мелькали старые, ничего не значащие файлы. В электронной почте тоже ничего интересного или хотя бы нового. Ни в одном документе, ни в одном письме Давид не касался причины, по которой оказался в Риме.

«Зачем поддерживать такой уровень секретности?» – спросила себя Сандра. И снова ею овладело сомнение, то самое, из-за которого она не могла заснуть всю ночь.

Может ли она поклясться, что муж был с нею честен, или же эта история – с червоточинной?

«Иди ты в жопу, Шалбер», – повторила она про себя, проклиная того, кто заронил в ней эти подозрения.

Она вернулась к сумке, отложила то, что в данный момент никак не занимало ее, вроде аккумулятора и телеобъективов, и наткнулась на записную книжку в кожаной обложке. Переплет был ветхий, потертый по краям. Каждый год Давид только вставлял в книжку новый блок бумаги. Один из предметов, с которыми он никак не мог расстаться. Как коричневые вьетнамки со стоптанной подошвой или свалевшийся свитер, который он надевал каждый раз, когда писал за компьютером. Тысячу раз Сандра пыталась припрятать подальше эти вещи. Несколько дней Давид делал вид, будто так и надо, а потом всегда умудрялся находить их.

Сандра улыбнулась при этом воспоминании. Давид был так устроен. Другой на его месте стал бы бурно протестовать, а он никак не реагировал на ее мелкое самоуправство. Только тихо и мирно продолжал делать то, что ему нравилось.

Сандра открыла записную книжку. На страницах, относящихся ко времени пребывания Давида в Риме, были записаны какие-то адреса. Они же были отмечены на маленьком плане города. Всего около двадцати.

Размышляя над тем, что могли означать эти записи, Сандра заметила, что в сумке присутствует новый предмет, не означенный в списке. Коротковолновый радиопередатчик. Сандра машинально проверила частоту. Канал 81. Это ей ни о чем не говорило.

Зачем Давиду был нужен радиопередатчик?

Однако, роаясь в оставшихся вещах, она обнаружила, что кое-чего не хватает. Миниатюрного диктофона, который Давид всегда носил с собой. Называл его своей запасной памятью. Но приборчика не было при нем и в момент смертельного падения. Он, конечно, мог пропасть когда угодно и как угодно. Однако Сандра все равно решила взять это на заметку.

Прежде чем продолжать, она по-быстрому прикинула, какие результаты дал обыск.

Адреса в записной книжке и на плане Рима. Радиопередатчик, настроенный на таинственную частоту. И наконец, отсутствие записывающего устройства, которое Давид использовал, чтобы делать заметки.

Пока Сандра размышляла над этими данными, ища между ними логическую связь, ею вдруг овладело какое-то тяжелое чувство. После несчастного случая она запросила Reuters и Associated Press – агентства, с которыми ее муж обычно сотрудничал, – не выполнял ли он в Риме какое-то задание для них. Оба агентства ответили отрицательно. Давид предпринял расследование на свой страх и риск. Конечно, он поступал так не в первый раз, имея в виду потом предложить материал тому, кто больше заплатит. Но у Сандры появилось трагическое предчувствие, что тут замешано нечто иное. А вот хочет ли она знать, что именно, – это еще вопрос.

Чтобы отогнать дурные мысли, она снова занялась содержимым сумки.

С самого дна достала «Лейку-I». Фотоаппарат 1925 года выпуска, изобретенный Оскаром Барнаком, усовершенствованный потом Эрнстом Лейтцем. С «лейкой» впервые появилась возможность делать снимки без помощи треноги. Благодаря крайней простоте в обращении этот аппарат произвел революцию в военной фотографии.

Его механика была совершенна. Горизонтальный матерчатый затвор, выдержка от 1/20 до 1/500 секунды, объектив 50 миллиметров. Настоящее сокровище для коллекционеров.

Сандра подарила его Давиду на их первую годовщину. Она до сих пор помнила, как муж удивился, развернув пакет. С их заработками они не могли себе позволить такую вещь. Но Сандра унаследовала ее от деда, который передал ей и страсть к фотографии.

«Лейка» была чем-то вроде семейной реликвии, и Давид никогда не расставался с ней. Говорил, что она приносит удачу.

Но она не спасла тебе жизнь, подумала Сандра.

Сохранился и подлинный кожаный чехол, на котором Сандра велела оттиснуть инициалы «ДЛ». Она открыла чехол и стала рассматривать фотоаппарат, пытаясь представить себе взгляд Давида, глаза которого блестели, как у мальчишки, всякий раз, когда он брал «лейку» в руки. Она уже хотела отложить все в сторону, как вдруг заметила, что винт, проворачивающий кадры, был, как говорят фотографы, на взводе. Фотоаппарат был заряжен.

Давид делал с него снимки.

7:10

На своем жаргоне они называли эту сеть «эстафетой». Надежные жилища, разбросанные по городу, которые не только обеспечивали безопасный тыл, срочно предоставляли убежище, но и служили для того, чтобы просто отдохнуть и набраться сил. На табличках рядом со звонком обычно значились названия каких-то несуществующих акционерных обществ.

Маркус зашел в такую квартиру-эстафету, знакомую ему потому, что туда его приводил Клементе. Наставник рассказал тогда, что они владеют в Риме неисчислимым количеством объектов недвижимости. Ключ от квартиры был спрятан в щели под дверью.

Боль, как он и предвидел, явилась вместе с зарей. Следы побоев не удавалось скрыть. Кроме кровоподтеков на ребрах, которые с каждым вдохом напоминали о том, что случилось ночью, – рассеченная губа и распухшая скула. Плюс шрам на виске. Все вместе, подумал Маркус, может произвести на любого, кто взглянет, незаурядное впечатление.

В квартире-эстафете, как правило, можно было найти еду, постель, горячую воду, аптечку скорой помощи, фальшивые документы и компьютер с безопасным подключением к Сети. Но та, которую выбрал Маркус, была пустая. Никакой мебели, ставни закрыты. В одной из комнат на полу телефон. Подключенный.

Квартиру содержали ради этого аппарата.

Клементе объяснил, что мобильные телефоны для них не подходят. Маркус никогда не оставлял за собой следов.

Меня не существует, напомнил он себе, прежде чем позвонить в адресный стол.

Через несколько минут вежливая девушка-оператор назвала ему адрес и телефон Раффаэле Альтьери, агрессивного парня, который подстерегал Маркуса в квартире Лары. Маркус повесил трубку, потом набрал названный оператором номер. Долго слушал длинные гудки, пока не уверился, что в доме точно никого нет. Убедившись в этом, лично отправился отдать визит.

Через короткое время он стоял под проливным дождем на углу улицы Рубенса в аристократическом квартале Париоли и наблюдал за небольшим пятиэтажным зданием.

В здание удалось проникнуть через гараж. Квартира, интересовавшая Маркуса, находилась на четвертом этаже. Он приложил ухо к замочной скважине, окончательно удостоверился, что в данный момент никого нет дома. Тихо. Маркус решил рискнуть: необходимо выяснить, кто напал на него.

Он взломал замок и вошел.

Квартира, где он очутился, была большой. Мебель свидетельствовала о хорошем вкусе владельца и в придачу о том, что он располагает значительными деньгами. Антиквариат, ценные картины. Полы светлого мрамора, белые двери, покрытые лаком. Ничего интересного, кроме того, что эта квартира не была похожа на жилище бесноватого.

Маркус приступил к обыску. Нужно было поторапливаться, кто-нибудь мог возвратиться с минуты на минуту.

В одной из комнат был устроен спортивный зал: тренажер для бодибилдинга со встроенными весами, шведская стенка, бегущая дорожка и гимнастические снаряды разного рода. Для Раффаэле Альтьери физическая форма стала настоящим культом. Маркус испытал на себе результат этой его страсти.

Кухня давала понять, что парень живет один. В холодильнике только обезжиренное молоко и энергетические напитки. На полках – коробки витаминов и банки с биологически активными добавками.

Третья комната больше говорила о том, какую жизнь ведет юноша. Односпальная кровать, неприбранная. Простыни с картинками из «Звездных войн». Над изголовьем – постер с

Брюсом Ли. По стенам еще постеры: рок-группы, гоночные мотоциклы. На полке – стереосистема, в углу – электрическая гитара.

Комната подростка.

«Сколько же лет Раффаэле?» – задался вопросом Маркус. И получил ответ, переступив порог четвертой комнаты.

У стены стояли письменный стол и стул. Больше никакой мебели. Над столом – коллаж из газетных вырезок. Они хорошо сохранились, хотя бумага и пожелтела.

Эти газеты вышли девятнадцать лет назад.

Маркус подошел поближе, начал читать. Вырезки располагались в строгом хронологическом порядке, слева направо, сверху вниз.

Речь шла о двойном убийстве. Жертвы – Валерия Альтьери, мать Раффаэле, и ее любовник.

Маркус вгляделся в фотографии, прилагавшиеся к статьям, которые появились тогда не только в ежедневных газетах, но и в иллюстрированных журналах. В последних это мерзкое преступление приобрело вид великосветской сплетни.

В конце концов, все составляющие таковой были налицо.

Валерия Альтьери, красивая, элегантная, порочная, жила, ни в чем себе не отказывая. Ее муж Гвидо Альтьери, известный адвокат по коммерческим делам, часто ездил за границу. Богатый, без предрассудков, очень влиятельный. Маркус разглядел его на фотографии, запечатлевшей похороны жены: серьезный, собранный, несмотря на скандальную историю, в которую он оказался втянут, этот человек смотрел на гроб, держа за руку трехлетнего сына Раффаэле. В ту пору любовником Валерии был известный яхтсмен, победитель многочисленных регат. Что-то вроде жиголо, на несколько лет ее моложе.

Преступление наделало шуму по причине скандальной славы действующих лиц, но также и в связи с тем, как оно было совершено. Любовников застали врасплох, когда они вдвоем лежали в постели. Расследование установило, что убийц было по меньшей мере двое. Но никого не арестовали, не нашлось даже подозреваемых. Личность убийц так и осталась неустановленной.

Потом Маркус уловил подробность, которая при первом чтении от него ускользнула. Зверское убийство произошло именно здесь, в доме, где Раффаэле продолжал жить и сейчас, в свои двадцать два года.

Пока его мать кромсали, он спал в своей кроватке.

Убийцы его не заметили или решили пощадить. Но утром малыш проснулся. Вошел в спальню и увидел два изрезанных тела: жертвам было нанесено более семидесяти ударов ножом. Маркус представил себе, как он расплакался, безутешно, отчаянно, при виде картины, смысла которой в свои младенческие годы не мог разгадать. Валерия, принимая любовника, отпустила прислугу, и убийство обнаружили, только когда адвокат Альтьери вернулся домой из деловой поездки в Лондон.

Целых два дня малыш оставался наедине с мертвыми телами.

Маркус, как ни силился, не мог представить себе худшего кошмара. Что-то похожее всплыло из глубин памяти. Ощущение одиночества, заброшенности.

Он не знал, когда именно испытывал эти чувства, но они сохранились. Его родители ушли из жизни, их не спросишь, откуда взялось такое воспоминание. Он даже забыл свою скорбь от их потери. Но возможно, это – одно из немногих положительных качеств амнезии.

Маркус вернулся к работе, теперь сосредоточив внимание на письменном столе.

Там лежали груды папок. Маркус предпочел бы усестись и не торопясь пересмотреть документы. Но время поджимало. С каждой минутой оставаться в этой квартире становилось все более рискованно. И Маркус ограничился поверхностным взглядом, по-быстрому пролистав их.

Там были фотографии, копии полицейских протоколов, перечни вещественных доказательств, списки подозреваемых. Эти документы вообще не должны были находиться здесь. Вместе с разными заметками и рассуждениями самого Раффаэле Альтьери, написанными от руки, были представлены и результаты частных расследований. Маркусу бросилась в глаза лежащая на столе визитка частного сыскного агентства.

«Раньери», – прочел он про себя напечатанное на кусочке картона имя.

Вот на что ночью намекал Раффаэле. «Тебя прислал Раньери? Можешь сказать ублюдку, что я пас».

Маркус для памяти положил визитку в карман, снова посмотрел на стену с вырезками и попытался все охватить единым взглядом. Кто знает, сколько денег способен выкачать бессовестный частный сыщик из мальчишки, которого преследует одна-единственная неотвязная мысль.

Найти убийц матери.

Вырезки, протоколы, прочие документы свидетельствовали о навязчивой идее. Раффаэле хотел взглянуть в лицо монстрам, которые осквернили его детство. Дети выдумывают врагов из воздуха, пыли и тени, черного человека, злого волка, подумал Маркус. Эти враги живут в сказках, они обретают реальность, только когда дети капризничают, чтобы позлить родителей. Но потом всегда исчезают, возвращаются в тень, которая их породила.

Но враги Раффаэле никуда не делись.

Осталась последняя деталь, для Маркуса непонятная, и он принялся искать что-то, что прояснило бы вопрос относительно символа, трех красных точек в конце письма, приглашавшего юношу в квартиру Лары.

«А символ? Никто не знал о символе», – сказал Раффаэле.

Маркусу удалось найти в одной из папок документ из прокуратуры, в котором говорилось именно об этом. Но имелась некая фигура умолчания. Понятно почему: следователи зачастую скрывают от прессы и от публики некоторые детали дела. Это нужно для того, чтобы разоблачать ложные свидетельства, раскрывать возможных мифоманов, а еще – убеждать преступников в том, что у полиции на руках ничего нет. В деле об убийстве Валерии Альтьери на месте преступления было обнаружено нечто важное. Какая-то подробность, которую полиция, по той или иной причине, решила не разглашать.

Маркус пока не знал, какое отношение имеет эта история к Джереми Смиту и исчезновению Лары. Преступление произошло девятнадцать лет назад, и даже если присутствовали какие-то улики, не обнаруженные силами правопорядка, их можно считать безвозвратно утраченными.

Место преступления сгинуло навсегда.

Маркус посмотрел на часы: прошло уже двадцать минут, а он не хотел второй встречи с Раффаэле лицом к лицу. Но все-таки решил, что стоит хотя бы заглянуть в спальню, где была убита Валерия Альтьери. Кто знает, что сейчас в той комнате.

Едва переступив порог, Маркус тут же понял, как глубоко заблуждался.

* * *

Сначала он увидел кровь.

Супружеская постель с голубыми простынями была пропитана ею. Ее было так много, что можно было отчетливо представить себе, где лежали тела, когда происходила бойня. На матрасе, на подушках сохранились отпечатки. Одно подле другого, слитые в последнем объятии, когда ярость убийц обрушилась на них.

С постели потоки крови лавою сползли на белый палас. Медленно распространяясь, они пропитали каждую ниточку, окрасив ткань в такой ослепительный, такой великолепный красный цвет, что сама идея смерти перед ним померкла.

Брызги, рассеянные, отлетевшие от руки, сжимавшей клинок, вонзавшей его в беззащитную плоть, оставили на стенах видимые следы ярости, торопливости, утомления. Впечатляло упорядоченное, связанное расположение капель. Святотатственная гармония, порожденная безумной ненавистью.

Часть крови использовали, чтобы сделать надпись над постелью. Одно только слово.

EVIL.

По-английски – зло.

Все уже завершилось, обрело неподвижность. Но в то же время казалось слишком живым, слишком реальным. Словно убийство в этой комнате только что произошло. У Маркуса сложилось впечатление, будто он, просто открыв эту дверь, совершил путешествие во времени.

Это невозможно, сказал он себе.

Так же маловероятно, как и то, что комната сохранилась точно такой же, как в тот трагический день девятнадцать лет назад.

Существовало лишь одно объяснение: подтверждением ему служили ведерки из-под лака, сваленные в углу вместе с кистями, и подлинные фотографии места преступления, которые Раффаэле раздобыл неизвестно как. На них эта комната представляла такой, какой увидел ее тот, кто первым переступил порог.

Адвокат Гвидо Альтьери, вернувшийся домой погожим мартовским утром.

Потом все поменялось. Вмешалась полиция, и сразу после этого все было замято в попытке восстановить прежнее состояние, истребить память об ужасе, вернуться в обыденность.

Это всегда происходит перед лицом насильственной смерти, сказал себе Маркус. Трупы уносят, кровь вытирают. И люди снова приходят в те места, ни о чем не подозревая. Жизнь продолжается, отвоевывает для себя пространства, прежде от нее отторгнутые.

Никто не хотел бы хранить такие воспоминания. Даже я, подумал Маркус.

Но Раффаэле Альтьери решил в точности воспроизвести место преступления. Следуя своей навязчивой идее, сотворил святилище ужаса. Стараясь запереть в этой комнате зло, сам стал его пленником.

Теперь Маркус мог воспользоваться этой достоверной мизансценой, чтобы сделать выводы и поискать на всякий случай аномалии, которые могли бы ему пригодиться. Он перекрестился, хоть и с опозданием, и вошел в комнату.

Подходя к ложу, имевшему вид жертвенного алтаря, он понял, почему эту бойню могли учинить по меньшей мере два человека.

Жертвам спасения не было.

Он попытался представить себе Валерию Альтьери и ее любовника, застигнутых во сне этим взрывом нечеловеческой жестокости. Может быть, женщина кричала, а может быть, сдерживалась, чтобы не разбудить сынишку, который спал в соседней комнате. Чтобы он не побежал посмотреть, что происходит. Чтобы спасти его.

У изножия кровати справа скопилась лужа крови, а слева Маркус заметил три маленьких круглых отпечатка.

Он подошел поближе, нагнулся, чтобы лучше разглядеть. Пятна образовывали совершенный равнобедренный треугольник. Каждая сторона составляла около пятидесяти сантиметров.

Символ.

Он раздумывал над тем, что мог бы скрывать в себе этот знак, когда, на мгновение подняв глаза, увидел то, что прежде от него ускользнуло.

На паласе остались крохотные отпечатки босых ног.

Маркус представил себе, как трехлетний Раффаэле, наутро после расправы, просовывает голову в спальню. И видит ужас, смысла которого он не в силах понять. Он бежит к постели прямо по лужам крови. Он, перед лицом немилосердного безразличия смерти, в отчаянии встряхивает маму, пытаясь ее разбудить. Маркус даже мог представить себе его маленькое тельце на окровавленных простынях: проплакав несколько часов, малыш, должно быть, свернулся калачиком рядом с мертвой мамой и в изнеможении заснул.

Два дня он провел в этом доме, до того как отец нашел его и увел прочь. Две длинные-длинные ночи, когда он противостоял в одиночестве осаде темноты.

Детям не нужны воспоминания, они всему учатся, забывая.

Но этих двух суток оказалось достаточно, чтобы определить всю дальнейшую жизнь Раффаэле Альтьери.

Маркус не мог сдвинуться с места. Он глубоко дышал, преодолевая приступ паники. Вот, значит, в чем его талант? Воспринимать темные послания, которые зло рассеивает в предметах. Слышать безмолвные речи мертвых. Присутствовать бессильным наблюдателем при зрелище человеческой злобы.

Собаки не различают цветов.

Поэтому только он и понял то, чего весь мир не знал в отношении Раффаэле. Этот трехлетний мальчик все еще молил о спасении.

9:04

«Есть вещи, которые нужно видеть собственными глазами, Джинджер».

Давид повторял это всякий раз, когда речь заходила о том, насколько опасна его работа. Для Сандры фотоаппарат был неременной защитой, он избавлял ее от необходимости непосредственно сталкиваться с насилием, которое она фиксировала каждый день. Для Давида – всего лишь орудием.

Об этом различии она вспомнила, сооружая на скорую руку темную комнату в туалете для гостей, как многократно на ее глазах проделывал Давид.

Занавесила дверь и окно, вывернула лампочку над зеркалом и ввернула другую, дающую красный свет. Сняла с чердака увеличитель и бачок для проявления и закрепления негативов. Потом стала импровизировать. Три тазика для разных процедур – те, в которых она полоскала белье. С кухни притащила щипчики, ножницы и половник. Фотобумага и химикаты, которые у нее хранились, были еще пригодны к употреблению.

В «Лейку-I» вставлялась 35-миллиметровая пленка, тип 135. Сандра смотала ее и вытаскивала катушку.

То, что она собиралась делать, требовало абсолютной темноты. Надев перчатки, она вскрыла катушку, извлекла пленку. Припоминая последовательность действий, ножницами надрезала кончики, скругляя уголки, потом поместила пленку в спираль бачка. Налила проявитель, заранее приготовленный, выждала положенное время. Повторила те же действия с закрепителем, потом прополоскала пленку под краном, капнула в бачок нейтрального шампуня и наконец повесила пленку сушиться над ванной.

Поставив таймер на часах, прислонилась к отделанной плиткой стене. Вздохнула. Ожидание в темноте действовало на нервы. Сандра спрашивала себя, почему Давид снимал этим старым фотоаппаратом. Какая-то часть ее питала надежду, что в этом нет ничего знаменательного, она впадает в иллюзию, не в силах примириться с бессмысленностью смерти.

Как бы хотелось Сандре, чтобы все это оказалось глупостью.

Давид использовал «лейку» для пробы, сказала она себе. Хотя фотография была для обоих и страстью, и ремеслом, они ни разу не сфотографировались вместе. Время от времени Сандра раздумывала почему. Это не казалось странным, когда муж был жив. Им это не нужно, твердили оба. Когда настоящее так насыщено, прошлое ни к чему. Она и представить себе не могла, что следует копить воспоминания, ибо придет день, когда только они и помогут выжить. Но с течением времени запасы воспоминаний истощались. Слишком мало времени они провели вместе в сравнении с тем сроком, который, согласно статистике, ей оставалось прожить. Что же ей делать со всеми этими днями? Сможет ли она когда-нибудь снова испытать такое чувство, какое испытывала к нему?

Звонок таймера заставил ее очнуться. Наконец-то можно включить красную лампочку. Прежде всего она сняла подвешенную пленку и посмотрела ее на свет.

С «лейки» было сделано пять снимков.

Что они собой представляли, пока было невозможно разобрать. Сандра поспешно приступила к печати. Приготовила три емкости. Первая – с проявителем, вторая – с раствором уксусной кислоты для закрепления, третья – с фиксирующим раствором.

С помощью увеличителя начала переносить негативы на фотобумагу, пока не появились отпечатки. Потом погрузила первый листок в емкость с проявителем. Слегка пошевелила его, и мало-помалу среди жидкости возникло изображение.

Совершенно темное.

Сандра решила, что кадр испорчен, но все-таки опустила листок сначала в одну, потом в другую емкость, а после повесила над ванной, прикрепив прищепкой. Стала проделывать то же самое с другими негативами.

На второй фотографии возник Давид, голый до пояса, отраженный в зеркале. В одной руке он держал фотоаппарат на уровне лица, другой махал в знак приветствия. Но не улыбался. Напротив, был очень серьезен. За его спиной висел календарь, месяц – тот самый, когда он умер. Сандра подумала, что это, наверное, последняя фотография Давида, сделанная при жизни.

Мрачное послание призрака.

На третьей фотографии оказались строительные леса. Можно было различить голые опоры строящегося здания. Стен нету, кругом пустота. Сандра предположила, что снимок сделан в том месте, откуда Давид упал. Но естественно, раньше, чем это случилось.

Зачем он отправился туда с «лейкой»?

Несчастный случай с Давидом произошел ночью. А снимок был сделан днем. Может быть, он заснял предполагаемое место преступления.

Четвертый снимок был очень странным. Он изображал картину, по всей видимости, семнадцатого века. Сандра, однако, не сомневалась, что запечатлена была только деталь полотна. Фигура мальчика, повернутая в три четверти, представленная в момент бегства. Но лицо обращено назад, он не в силах отвести взгляд от чего-то, что его страшит и одновременно влечет. Выражение недоуменное, потрясенное; рот разинут от изумления.

Сандра была уверена, что где-то видела эту сцену. Но что за картина, припомнить не могла. А ведь инспектор Де Микелис страстно увлекается искусством, живописью: надо спросить у него.

В одном она была уверена: картина находится в Риме. Туда она и должна поехать.

Ее смена начинается в два часа, но она попросит несколько дней отгулов. В конце концов, после смерти Давида она не использовала отпуск по семейным обстоятельствам. Можно сесть на скорый поезд. Меньше чем через три часа она будет в Риме. Сандра хотела все увидеть собственными глазами, именно так, как советовал Давид. Она ощущала настоятельную необходимость выяснить, почему погиб муж, ибо теперь была уверена, что этому найдется объяснение.

Уже планируя в уме путешествие, она продолжала печатать последний снимок. Первые четыре содержали в себе только вопросы, которые прибавлялись к прочим загадкам, каких накопилось немало.

А в пятом, возможно, намечался хотя бы один ответ.

Сандра бережно держала листок, глядя, как на бумаге возникает изображение. Темное пятно на светлом фоне. Все яснее и яснее, линия за линией, деталь за деталью. Как некий реликт, постепенно поднимающийся из бездны, где провел десятилетия в абсолютной темноте.

Лицо.

Снятое в профиль, исподтишка, человек не замечал, что его фотографируют. Имел ли он отношение к тому, чем Давид занимался в Риме, или даже был как-то замешан в его гибели? Сандра поняла, что должна найти этого человека.

Черные волосы, черная одежда, грустные глаза навывкате.

И шрам на виске.

9:56

Маркус рассеянно скользил взглядом по панораме Рима, которая открывалась с террасы замка. За его спиной высился архангел Михаил: развернув крылья и занеся меч, он взирал на человеческие существа и их бесконечные бедствия. Слева от бронзовой скульптуры – колокол милосердия, звон которого возвещал о смертном приговоре в те мрачные времена, когда замок Святого Ангела был папской тюрьмой.

Это место страданий и отчаяния стало приманкой для туристов. Они фотографировались на память, пользуясь тем, что солнечный луч пробился сквозь тучи и город внизу засиял, омытый дождем.

Клементе подошел к Маркусу и встал рядом, не отрывая взгляда от панорамы:

– В чем проблема?

Они назначали встречи, используя голосовой почтовый ящик. Когда один из них хотел увидеться с другим, достаточно было оставить сообщение, обозначив место и время. Такими встречами никто никогда не пренебрегал.

– Убийство Валерии Альтьери.

Прежде чем продолжить беседу, Клементе вгляделся в распухшее лицо Маркуса:

– Кто тебя так отделал?

– Ночью я познакомился с ее сыном Раффаэле.

Клементе не стал допытываться, просто покачал головой:

– Скверная история. Преступление до сих пор не раскрыто.

Он сказал это так, будто хорошо знал дело, что показалось Маркусу довольно странным, если учесть, что в то время, когда произошло убийство, его другу было не больше десяти лет. Значит, существовало единственное объяснение: делом Альтьери занимались и они также.

– Есть что-нибудь в архиве?

Клементе не любил таких разговоров в людных местах.

– Веди себя осторожнее, – произнес он с укором.

– Это очень важно. Что тебе известно?

– Намечались две линии расследования. Обе – вокруг Гвидо Альтьери. При убийстве неверной жены первым подозреваемым всегда оказывается муж. А у адвоката были связи и средства, чтобы заказать эту бойню и выйти сухим из воды.

Если Гвидо Альтьери виновен, значит он сознательно на двое суток оставил сына одного с мертвыми телами, только чтобы усилить свое алиби. Маркус не мог в это поверить.

– А вторая линия?

– Альтьери был темной лошадкой, в то время находился в Лондоне, завершая важный процесс по слиянию компаний. В действительности довольно скользкое дело. Нефть, торговля оружием; были затронуты интересы на высочайшем уровне. Английское слово «EVIL» над постелью, где совершилась бойня, может быть воспринято как послание адвокату.

– Угроза.

– Да, но ведь убийцы пощадили его сына.

Детишки пробежали мимо Маркуса, и он проводил их взглядом, завидуя тому, как легко им живется на свете.

– Как же получилось, что обе линии расследования ни к чему не привели?

– Что касается первой, то Гвидо и Валерия Альтьери оформляли развод. Она вела себя чересчур необузданно, яхтсмен был всего лишь последним в длинном списке. Адвокат не слишком переживал утрату, через несколько месяцев он женился снова. Теперь у него другая семья, другие дети. И потом, говоря начистоту, если такой человек, как Альтьери, захотел бы избавиться от жены, он избрал бы не такой зверский способ.

– А Раффаэле?

– Много лет не разговаривает с отцом. Насколько мне известно, у юноши расстроена психика, он то и дело ложится в клиники. В случившемся винит отца.

– А версия международного заговора?

– Какое-то время держалась, но потом рассыпалась за отсутствием доказательств.

– Никаких отпечатков, никаких следов на месте преступления?

– Хотя это и была бойня, убийцы действовали четко и аккуратно.

Даже если и не так, Маркус подумал, что убийство произошло в то время, когда расследования велись по старой схеме. Анализ ДНК только начинал использоваться в судебно-медицинской экспертизе. Кроме того, место преступления было «загрязнено» присутствием там ребенка в течение двух суток, а потом и вовсе навсегда уничтожено. Маркус снова вспомнил о дубликате, который Раффаэле Альтьери воссоздал в надежде докопаться до правды. Девятнадцать лет назад невозможность сразу установить личность преступников неизбежно вела к тому, что следствие заходило в тупик. И установить мотив было много труднее, чем сейчас.

– Была и третья линия, так ведь?

Маркус об этом догадался: всплыл, наверное, в свое время какой-то мотив, из-за которого дело заинтересовало и их тоже. Он не понимал, почему друг молчит об этом. А Клементе действительно попытался сменить тему:

– Послушай, но как это связано с Джеремией Смитом и исчезновением Лары?

– Я пока не знаю. Раффаэле Альтьери был ночью в квартире девушки, кто-то вызвал его туда письмом.

– Кто-то? Кто именно?

– Понятия не имею, но в квартире Лары я нашел Библию на полке с кулинарными книгами. Я не уловил аномалию при первом осмотре. Иногда нужна темнота, чтобы лучше разглядеть окружающее: поэтому я вернулся в квартиру. Хотел восстановить те условия, в которых действовал Джеремя.

– Библия? – не понял Клементе.

– Там лежала закладка на Послании апостола Павла к фессалоникийцам: «День Господень так придет, как тать ночью...» Если бы это не звучало так абсурдно, я бы сказал, что кто-то оставил для нас послание именно затем, чтобы мы нашли Раффаэле Альтьери.

Клементе напрягся:

– Никто о нас не знает.

– Ну да, – отозвался Маркус. Никто, повторил про себя с горечью.

Клементе перешел в наступление:

– У нас мало времени, чтобы спасти Лару, и ты это знаешь.

– Ты сам сказал, что только я могу найти ее, следуя инстинкту. Именно этим я и занимаюсь. – Маркус не собирался отступать. – Скажи, какая была третья версия. На месте преступления вместе с надписью «EVIL» был обнаружен знак в виде трех точек, отмеченных кровью жертв и образующих треугольник.

Клементе обернулся к бронзовому архангелу, словно прося у него защиты:

– Это эзотерический символ.

Ничего удивительного, подумал Маркус, что полиция решила не разглашать эту подробность. Там работают реалисты, им не понравилось бы, что следствие углубилось в сферу оккультного. Такие аргументы трудно излагать в зале суда, да и обвиняемые могут избежать наказания, сославшись на психическую болезнь. И потом, при этом всегда рискуешь создать рекламу законченным негодьям.

И все-таки Клементе не сбрасывал со счетов эту версию:

– Некоторые считали, что в той спальне проводился обряд.

* * *

Ритуальные преступления входили в число *аномалий*, которыми они обычно занимались. Смесь гедонизма и секса. Дождаясь, пока Кlemente достанет для него из архива папку с делом Альтьери, Маркус решил немедленно уяснить значение треугольного символа, для чего и отправился в единственное место, где мог найти ответ.

Ангелическая библиотека располагалась в бывшем монастыре августинцев на площади Сант-Агостино. Монахи занимались ею с семнадцатого века, они собрали, описали и сохранили около 200 000 драгоценных томов; собрание делится на фонд старинный и фонд современный. Это первая в Европе библиотека, открытая для широкой публики.

Маркус сидел за столом в читальном зале, который, по имени архитектора, перестроившего все здание в XVIII веке, назывался Ванвителианским, и его окружали со всех сторон деревянные полки, забитые книгами. Туда попадали, проходя через вестибюль, украшенный картинами, изображавшими иллюзорные аркады; там, в вестибюле, располагались каталоги. Поблизости находилась и бронированная комната, где хранились самые ценные миниатюры.

На протяжении веков Ангелическая библиотека не раз подвергалась нападкам со стороны ортодоксов, поскольку содержала в себе многочисленные запрещенные книги. Именно они и интересовали Маркуса: он запросил некоторые тома по символогии.

Он переворачивал страницы, надев белую хлопчатобумажную перчатку, чтобы кислота, содержащаяся в кожных выделениях, не попала на бумагу и не повредила ее. В зале витал ни с чем не сравнимый звук, будто мотыльки шелестят крыльями. Во времена святой инквизиции Маркус заплатил бы жизнью только за то, что читает эти строки. После часа поисков ему удалось установить происхождение треугольного символа.

Появившийся как противоположность христианскому кресту, он скоро сделался эмблемой некоторых сатанистских культов. Его возникновение относилось ко времени обращения императора Константина. Христиан перестали преследовать, и они покинули катакомбы. Язычники, наоборот, укоренились там.

Маркус изумился, открыв для себя, что современный сатанизм происходит именно от того язычества. За многие века фигура Сатаны вытеснила другие божества, поскольку тот представлял собой главного антагониста христианскому Богу. Все адепты таких культов, без разбора, объявлялись вне закона. Они собирались в уединенных местах, обычно под открытым небом. Палкой очерчивали на земле стены своего храма: было легко затереть их в случае, если церемонию прерывали. Убийство невинных жертв скрепляло единоверцев кровью. Но, кроме ритуального смысла, существовал и чисто практический.

Если я заставлю тебя кого-то убить, ты останешься привязанным ко мне на всю жизнь, заключил Маркус. Покинувший секту рисковал тем, что его обвинят в убийстве.

В каталоге библиотеки Маркус нашел книги, в которых прослеживалась историческая эволюция этих практик вплоть до Нового времени. То были уже современные издания, поэтому он снял перчатку и погрузился в изучение труда по криминологии.

Сатанистская подоплека присутствует во многих преступлениях. Но в большинстве случаев это всего лишь предлог для того, чтобы дать волю извращенной сексуальной фантазии. Иные убийцы-психопаты убеждены, будто некая высшая сила пытается вступить с ними в контакт. Кровавый ритуал – способ ответить на зов. Убитые превращаются в посланцев.

Самый известный случай – Дэвид Ричард Берковиц, которого также называют Сыном Сэма, серийный убийца, наводивший страх на Нью-Йорк в конце семидесятых. Когда его схватили, он рассказал полиции, что убивать ему приказывал воплотившийся демон, который говорил с ним через собаку соседа.

В деле Валерии Альтьери Маркус исключил какую бы то ни было патологию. Действовали заодно несколько человек, что предполагало их полную дееспособность.

Но убийства, осуществленные группой, – неперенная составляющая сатанизма. Ведь только действуя в толпе, отдельные люди могли найти в себе отвагу, чтобы совершить преступление, на которое иначе не были бы способны. Единение помогало преодолеть нормальные сдерживающие механизмы, а разделенная ответственность исключала чувство вины.

Существовал «кислотный» сатанизм, адепты которого обильно употребляли наркотики, а потому были легковнушаемы. Такие группы просто узнать по одежде, всегда черной, и по символам сатанистского происхождения. Кроме святотатственных текстов, они вдохновляются музыкой *heavy metal*.

Надпись «EVIL» на стене в спальне Валерии Альтьери могла иметь отношение к явлениям такого рода, подумал Маркус. Но подобные группы редко доходили до того, чтобы убивать людей, чаще ограничивались черными мессами и принесением в жертву каких-нибудь несчастных животных.

Настоящий сатанизм не столь очевиден, рассуждал Маркус. Он зиждется на абсолютной тайне. Нет никаких доказательств его существования, только обманчивые и противоречивые сведения. В самом деле, случается очень мало сатанистских преступлений, которые нельзя приписать фанатикам или душевнобольным. Самое знаменитое произошло как раз в Италии, его совершил так называемый Флорентийский Монстр.

Маркус внимательно прочитал краткое изложение дела. Поняв, что восемь двойных убийств, произошедших с 1974 по 1985 год, были совершены не одним человеком, но группой преступников, следователи произвели арест виновных, но дальше не пошли, хотя и догадывались о существовании подстрекателей, связанных с какой-то магической сектой, точно не установленной. Существовала версия, что все убийства были заказными, они совершались, чтобы добыть в качестве фетишей части человеческих тел и использовать их в каких-то неведомых обрядах.

Читая об этом, Маркус наткнулся на пассаж, который мог быть ему полезен. Речь шла о причинах, по которым Флорентийский Монстр всегда убивал молодые пары, уединявшиеся на природе. Самой благоприятной кончиной считалась смерть во время оргазма, которую называли также *mors iusti*. Верили, будто в этот самый момент вырывается наружу особая энергия, способная увеличить и усилить эффект зловещего ритуала.

В определенных случаях убийства происходили согласно календарю, накануне христианских праздников, предпочтительно в ночь новолуния.

Маркус проверил дату убийства Валерии Альтьери и ее любовника. Оно произошло в ночь на 24 марта, накануне Благовещения. Дня, когда, согласно Евангелиям, архангел Гавриил известил Деву Марию о непорочном зачатии Божьего Сына. И было новолуние.

Все составные части сатанистского преступления были налицо. Оставалось подтолкнуть в этом направлении следствие, заглохшее почти двадцать лет назад. Маркус был убежден: кто-то, кто знал немало о данном деле, предпочитал все эти годы молчать. Он порылся в кармане и нашел визитку Раньери, которую стащил со стола Раффаэле Альтьери.

Стоит, пожалуй, начать с частного сыщика.

* * *

Раньери держал офис на последнем этаже небольшого дома в районе Прати. Маркус видел, как он выходит из зеленого «субару». Он был гораздо старше, чем на фотографии, красовавшейся на рекламном сайте его агентства. Маркус считал неуместным для того, кто занимался ремеслом, основанным на соблюдении тайны, показывать всем и каждому собственное лицо. Но Раньери, по-видимому, это не заботило.

Прежде чем проникнуть вслед за сыщиком в дом, Маркус отметил, что припаркованная машина вся заляпана грязью. Несмотря на то что последние несколько часов дождь лил не переставая, маловероятно, чтобы она приобрела такой вид в Риме. Отсюда Маркус заключил, что сыщик ездил за город.

Консьерж сидел, уткнувшись в газету, и Маркус прошел мимо без всякого труда. Раньери не воспользовался лифтом: судя по тому, как быстро сыщик бежал по лестнице, он очень торопился.

Раньери вошел к себе в офис. Маркус же задержался на первом этаже, где заметил нишу: там можно было спрятаться и спокойно дожидаться, пока сыщик снова выйдет, а потом проникнуть в контору и выяснить, к чему была такая спешка.

Пока он этим утром рылся в библиотеке, Клементе, как обещал, доставил ему папку с делом – код с. г. 796–74–8. Она содержала подробные досье на всех, кто был замешан в преступлении. Маркусу было велено забрать ее из почтового ящика в огромном многоквартирном доме. Этот ящик использовали, чтобы обмениваться документами; на самом деле он не принадлежал ни одному из жильцов.

Маркус, пока дожидался приезда Раньери, успел хорошо изучить материалы о нем.

Этот частный сыщик не пользовался доброй славой. Ничего удивительного. Он был вычеркнут из официального списка за некорректное поведение. Судя по всему, он занимался не только сыском: в прошлом попадался на мошенничестве, даже был осужден за махинации с фальшивыми чеками. Его лучшим клиентом был Раффаэле Альтьери, от которого он на протяжении многих лет получал различные суммы. Но их отношения резко прервались. Офис в районе Прати был всего лишь красивым фасадом, который служил для того, чтобы привлекать легковых клиентов и вытягивать из них деньги. Там даже не было секретарши.

Как раз когда Маркус задумался над этой стороной дела, женский крик раскатился по лестничной клетке. Судя по всему, он доносился как раз с последнего этажа.

* * *

Его выучка не допускала сомнений: в подобных случаях он должен был без малейших колебаний уходить. Оказавшись в безопасном месте, мог оповестить силы правопорядка. Самое важное – анонимность, ее он должен был сохранять любой ценой.

Я не существую, напомнил он себе.

Он подождал, чтобы понять, слышал ли кто-нибудь в доме этот крик. Но ни на одной из площадок никто не появился. Маркус не мог оставаться на месте: вдруг женщина в самом деле в опасности... он никогда не простит себе, если не вмешается. Он уже собирался подняться на последний этаж, как вдруг дверь офиса отворилась и Раньери бегом побежал вниз по лестнице. Маркус забился в нишу, и сыщик пробежал мимо, не заметив его. Раньери нес кожаную сумку.

Убедившись, что сыщик покинул дом, Маркус бросился наверх, надеясь, что успеет вовремя.

Добежав до площадки, пинком распахнул дверь. Очутился в тесной прихожей. Единственная комната располагалась в конце коридора. Маркус ринулся в этом направлении. У порога помедлил. Услышал звук ударов. Осторожно пробрался внутрь и увидел, что это хлопает на ветру створка открытого окна.

Никакой женщины.

Но там была еще одна дверь, закрытая. Маркус неслышно подкрался к ней. Положил ладонь на ручку и открыл рывком, уверенный, что сейчас перед ним предстанет ужасное зрелище. Но там оказался крохотный туалет. Пустой.

Где женщина, крики которой он слышал?

Врачи предупреждали его о звуковых галлюцинациях. Побочный эффект амнезии. Такое уже случалось. Однажды ему почудилось, будто телефон звонит, не умолкая, в его мансарде на улице Деи Серпенти. Но там вообще не было телефона. В другой раз он слышал, как Девок зовет его по имени. Он не знал, в самом ли деле это голос Девoka, не помнил, какой у него голос. Однако связал этот звук с лицом Девoka, значит есть надежда, что воспоминания вернуться. Врачи заверяли, что нет, что амнезия, связанная с поражением мозга, всегда необратима, это не то что психологическая травма. Все же существовала возможность вспомнить что-то потаенное, доставшееся от предков.

Он глубоко вздохнул, стараясь изгнать из памяти женский крик. Он должен понять, что произошло в этой комнате.

Маркус подошел к открытому окну, глянул вниз: место, где Раньери припарковал зеленый «субару», опустело. Раз сыщик уехал на машине, значит вернется нескоро: время есть.

На асфальте осталось масляное пятно. Маркус прибавил эту деталь к потекам грязи, которые заметил раньше на корпусе автомобиля, и сделал вывод, что сыщик этим утром ездил по пересеченной местности, где испачкал и повредил «субару».

Маркус закрыл окно и принялся исследовать офис.

Раньери задержался здесь не более чем на десять минут. Зачем он приходил?

Существовал способ выяснить это: Маркус вспомнил один из уроков Клементе. Криминологи и профайлеры называют это «загадкой пустой комнаты». Исходим из того, что каждое событие, даже самое незначительное, оставляет следы, которые с каждой минутой теряют четкость.

Поэтому, даже если комната кажется пустой, это не так. Она содержит уйму информации. Но у Маркуса мало времени, чтобы обнаружить ее и с ее помощью восстановить произошедшее.

Первое приближение – зрительное. Он огляделся. Книжная полка, полупустая, журналы по баллистике и своды законов. Судя по покрывающей их пыли, книги здесь просто для декорации. Вытертый диван, пара кресел перед письменным столом с вращающимся стулом.

Он отметил странное сочетание телевизора с плазменным экраном и старого видеоманитона: настоящий анахронизм. Он полагал, что такие уже вышли из употребления. Но еще больше поразило его то, что в комнате не было видеокассет.

Маркус запомнил эту деталь и продолжил осмотр. На стенах – дипломы, свидетельствовавшие о том, что сыщик прошел ряд стажировок по различным методам расследования. Просроченная лицензия. Висит криво. Маркус отвел ее в сторону и обнаружил маленький сейф. Дверца всего лишь притворена. Маркус открыл ее. Сейф был пуст.

Он припомнил кожаную сумку, с которой Раньери вышел из офиса. Он вполне мог что-то забрать с собой. Деньги? Задумал бежать? От чего или от кого?

Теперь Маркус задумался о том, в каком состоянии обнаружил это место. Когда он вошел, окно было открыто. Зачем сыщик оставил окно нараспашку?

Чтобы проветрить комнату, сказал себе Маркус. И тут же приступил к изучению запахов. Принюхавшись, уловил слабый, но специфический душок: здесь что-то жгли. Скорее всего, что-то бумажное, подумал он. И направился к корзине для бумаг.

Там лежал единственный листок, покореженный, обгоревший.

Раньери не только забрал что-то из офиса: перед тем как уйти, он от чего-то избавился. Маркус вытащил из корзинки то, что оставалось от листка бумаги. Осторожно положил на стол. Снова зашел в туалет, посмотрел на этикетку жидкого мыла и захватил флакон с собой. Окунул туда палец, как мог разгладил бумагу и намазал мылом самую темную часть, где, по всей видимости, было что-то написано. Потом взял спичку из коробки, лежавшей на столе, – ею, вероятно, воспользовался и Раньери немного раньше – и быстрым движением снова под-

жег бумагу. Перед этим, однако, помедлил, сосредоточился. В его распоряжении только одна попытка, потом листок рассыплется навсегда.

Несмотря на мигрени, слуховые галлюцинации и чувство смятения, амнезия подарила ему по крайней мере одно преимущество: незаурядную способность к запоминанию. Маркус был убежден, что он так быстро все усваивает потому, что место в голове освободилось. Еще он обнаружил, что обладает совершенной фотографической памятью.

Надеюсь, это сработает, сказал он себе.

Чиркнул спичкой и провел ею с изнанки листка слева направо, как принято читать.

Чернила начали реагировать с глицерином, содержавшимся в мыле. Он горел медленнее, чем бумага, создавая некий контраст. На мгновение появились знаки, написанные от руки. Глаза Маркуса бегали по листку, фиксируя возникающие буквы и цифры. Эффект длился несколько секунд и завершился столбиком серого дыма. Маркус получил ответ. На листке был записан адрес: улица Делле Комете, 19. Но перед тем как все исчезло, он разглядел также и три точки, образующие символ треугольника.

Если не считать адреса, записка была точно такой, какую получил Раффаэле Альтьери.

14:00

– Не думаю, что это хорошая мысль.

Де Микелис, которому она позвонила, высказался с достаточной прямоотой. Сандра почти пожалела, что втянула его. Движение в Риме застопорилось из-за дождя, такси, которое она взяла на вокзале, продвигалось вперед рывками.

Инспектор не отказывался ей помочь, но не понимал, зачем было являться в Рим лично.

– Ты уверена, что поступаешь правильно?

Сандра собрала чемодан на колесиках, положила туда все необходимое на несколько дней пребывания вне дома, а также фотографии, распечатанные с пленки, которую она извлекла из «лейки», книжку, куда муж записал те странные адреса, и радиопередатчик, найденный в сумке.

– У Давида была опасная работа. Он никогда не сообщал мне, куда направляется, такая была между нами договоренность, так мы вместе постановили. – (Муж уверял, будто хочет избавить ее от лишних волнений, от переживаний, какие испытывает жена солдата, ушедшего на фронт.) – Зачем тогда он наговорил мне на автоответчик всю эту чушь? Зачем нужно было утверждать, будто он в Осло? Я тут подумала: все-таки какая я свинья. Ведь он хотел не скрыть от меня что-то, а привлечь мое внимание.

– Согласен. Возможно, он обнаружил что-то и хотел тебя защитить, а ты теперь одна-одинешенька лезешь на рожон.

– Вряд ли. Давид знал, что рискует, и, в случае если с ним что-нибудь случится, хотел, чтобы я провела расследование. Поэтому и оставил для меня указания.

– Ты имеешь в виду снимки в старом фотоаппарате?

– Кстати, ты уже определил, из какой картины этот фрагмент: убегающий мальчик?

– Описание мне ни о чем не говорит. Я должен увидеть фото.

– Я тебе его послала по электронной почте.

– Ты же знаешь, я в этих компьютерных делах... Ладно, попрошу кого-нибудь из ребят мне его сбросить. Сообщи тебе, как только что-то выясню.

Сандра знала, что может на него рассчитывать. Ему понадобилось пять месяцев, чтобы сказать, как он сожалеет о смерти Давида, но в общем и целом Де Микелис был хорошим человеком.

– Инспектор...

– Да?

– Ты сколько лет женат?

Де Микелис расхохотался:

– Двадцать пять. А что?

Сандре вспомнились слова Шалбера.

– Понимаю, это очень личное. Но ты когда-нибудь сомневался в своей жене?

Инспектор прочистил горло:

– Как-то раз среди дня Барбара сказала, что пойдет навестить подругу. Я понял, что она лжет. У нас, полицейских, шестое чувство, верно?

– Да, думаю, это так. – Сандра не была уверена, что хочет услышать эту историю. – Но ты не обязан со мной делиться.

Де Микелис продолжил рассказ, проигнорировав ее слова:

– Так вот, я решил проследить за ней, как за обычным подозреваемым. Она ничего не заметила. Но в какой-то момент я остановился и подумал: что это я делаю? И решил вернуться домой. Назови это страхом, если хочешь. Я-то знаю, что это было. На самом деле меня не интересовало, солгала она или нет. Если бы я обнаружил, что она действительно идет к подруге,

мне бы показалось, будто я ее предал. Как я имею право на верную жену, так и Барбара заслуживает мужа, который ей доверяет.

Сандра поняла, что старший товарищ поделился с ней тем, что, скорее всего, никогда никому не рассказывал. Набравшись храбрости, она выложила остальное:

– Де Микелис, я хотела попросить тебя еще об одном одолжении...

– Каком конкретно? – В голосе звучала досада.

– Вчера вечером мне позвонил некий Шалбер из Интерпола. Он думает, будто Давид ввязался в какое-то темное дело, и вообще показался мне жутким мозгоклюем.

– Понял, соберу о нем информацию. Это все?

– Да, спасибо, – с облегчением вздохнула Сандра.

Но Де Микелис еще не закончил:

– Удовлетвори мое любопытство: куда ты сейчас направляешься?

Где все закончилось, хотела сказать Сандра.

– К тому строящемуся дому, откуда упал Давид.

* * *

Идея поселиться вместе принадлежала ей. Но Давид ее принял благосклонно. Во всяком случае, так ей показалось. Они были знакомы всего несколько месяцев, Сандра не была уверена, что правильно истолковывает реакции любимого мужчины. Порой он умудрялся все до крайности усложнять. В отличие от нее, Давид никогда не поддавался эмоциям. Когда они спорили, именно Сандра повышала голос, раздражалась. Он же прибегал к тону слегка примирительному, а главное, небрежному. Можно было даже решить, что только она и скандалит. Сандра невольно подумала, что Давид вовсе не проявлял равнодушие, нет: с его стороны то была тщательно выработанная стратегия – сначала выслушать все ее излияния, а потом заставить признать, что она вышла из себя совершенно напрасно.

Самым убедительным доказательством этой ее теории послужило то, что случилось через месяц после начала их совместной жизни в ее квартире.

Вот уже неделю Давид находился в странном настроении, все время молчал, и у Сандры сложилось впечатление, будто возлюбленный ее избегает, даже когда они дома одни. Хотя он в тот период и не работал, но всегда приискивал себе какое-нибудь занятие. Что-то делал, закрывшись в кабинете, либо чинил розетку, либо чистил засорившуюся раковину. Сандра чувствовала: что-то не так, но спросить боялась. Она говорила себе, что нужно время, что Давид не только не привык называть какое-то место своим домом, но и никогда не жил с женщиной под одной крышей. Однако вместе с боязнью его потерять в ней просыпалась ярость: разве можно так себя вести, пусть бы уж высказался начистоту. Она готова была взорваться.

Это произошло ночью. Они оба спали, когда Сандра вдруг почувствовала, как Давид трясет ее за плечо. Увидев, что на часах всего три ночи, она, сонная, спросила, какого черта ему нужно. Давид включил свет и бросился на постель. Взгляд его блуждал по комнате, он искал слова, чтобы высказать то, что давно уже вертелось у него в голове. А именно: так больше не может продолжаться, он себя чувствует неловко и, в конечном итоге, такое положение вещей стесняет его.

Сандра пыталась уразуметь смысл этих запутанных фраз, но единственным объяснением, какое ей приходило на ум, было: чертов говнюк меня сливает. Оскорбленная в лучших чувствах, недоумевая, почему он не мог подождать до утра, чтобы ее вырубить, Сандра встала и в бешенстве накинулась на него, осыпая нецензурными выражениями. В гневе она швыряла на пол все, что попадалось под руку, среди прочего пульт дистанционного управления: от удара телевизор включился. Так поздно передавали только старые черно-белые фильмы. В данный

момент шел «Цилиндр» с Фредом Астером и Джинджер Роджерс, которые как раз исполняли дуэтом знаменитую песню.

Нежная мелодия в сочетании с истерикой Сандры придавала всей сцене какую-то нереальность.

Хуже всего было то, что Давид не отвечал, а молча, опустив голову, сносил оскорбления. Когда бешенство Сандры достигло предела, она вдруг увидела, как Давид сует руку под подушку, вытаскивает оттуда синий бархатный футляр и придвигает его на край постели, на ее сторону, при этом лукаво улыбаясь. Тут же онемев, Сандра воззрилась на коробочку, уже точно зная, что в ней содержится. Она чувствовала себя последней идиоткой, ничего не могла с собой поделать – так и стояла с разинутым от изумления ртом.

– Я как раз пытался сказать тебе, – произнес Давид, – что мы не можем продолжать так жить и что, по моему смиреннейшему мнению, нам нужно пожениться. Потому что я люблю тебя, Джинджер.

Он сказал ей это – впервые открыв свои чувства и назвав ее так – под голос Фреда, который пел *Cheek to cheek*, «Щека к щеке».

Heaven, I'm in Heaven,
And my heart beats so that I can hardly speak;
And I seem to find the happiness I seek
When we're out together dancing, cheek to cheek.⁶

Сандра неожиданно для себя расплакалась. Бросилась в его объятия, потому что хотела прижаться к нему. Рыдая на его груди, принялась раздеваться: не терпелось заняться с ним любовью. Это они и делали до самой зари. Никакими словами не описать того, что она испытала тогда ночью. Чистая радость.

Тогда Сандра и поняла, что с Давидом ей не видать покоя. Что им обоим, чтобы жить, нужен порыв. Именно тогда к ней стал подкрадываться страх: как раз поэтому все может сгореть в один миг.

Так оно и случилось.

Через три года, пять месяцев и сколько-то дней после той неповторимой ночи Сандра стояла на заброшенных лесах недостроенного здания над тем самым местом, где тело Давида – *ее* Давида – разбилось, упав с высоты. Крови не было, ее смыло дождями. Ей хотелось принести цветок, но не стоило слишком предаваться чувствам. Она приехала, главным образом, чтобы понять.

После падения Давид в агонии лежал на асфальте всю ночь. Наконец велосипедист, случайно проезжавший мимо, заметил его и позвал на помощь. Слишком поздно. Давид умер в больнице.

Когда коллеги из Рима описали ей, как все произошло, Сандра не слишком задавалась вопросами. Например, она не стала задумываться, был ли Давид в сознании все это время. Она бы предпочла узнать, что Давид умер мгновенно, а не в результате множественных переломов и внутренних кровоизлияний. Но прежде всего она старалась отрезвиться от самого страшного из вопросов.

Если бы кто-нибудь раньше заметил умирающего Давида, лежащего на земле, можно ли было бы спасти его?

Медленная агония подтверждала версию несчастного случая как доказательство от противного: убийца, конечно же, довершил бы начатое дело.

---

⁶ На небесах я, на небесах, И сердце так бьется, что слов нет на языке, Я, кажется, счастье нашел, что искал вдалеке, Когда мы танцуем рядом, щека к щеке.

Сандра углядела справа лестничный марш. Она оставила чемодан и стала подниматься осторожно, поскольку перил не было. На уровне шестого этажа отсутствовали и стены. Лишь пилястры поддерживали междуэтажные перекрытия. Сандра подошла к парапету, с которого соскользнул Давид. Он явился сюда в темноте. Сандра вспомнила телефонный разговор с Шалбером прошлой ночью.

«Согласно рапорту полиции, синьор Леони находился в этом недостроенном здании потому, что оттуда открывался наилучший вид на объект, который он собирался сфотографировать... Вы видели это место?» – «Нет», – рассердилась Сандра. «Ну а я видел». – «И что вы этим хотите сказать?» Но он всего лишь добавил саркастически: «„Кэнон“ вашего мужа разбился при падении. Жаль, мы никогда не увидим той фотографии».

Когда Сандра увидела то, что простиралось перед Давидом той ночью, она поняла всю глубину сарказма агента Интерпола. Огромная асфальтированная площадка, окруженная высотными домами. Зачем бы ему здесь фотографировать? Да еще и в темноте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.